

Церенц

В муках рождения

eMatenadaran.

Церенц
В муках рождения

«Aegitas»

Церенц

В муках рождения / Церенц — «Aegitas»,

Роман Церенца проникнут духом своего времени. В нем затронуты вопросы, связанные с судьбой армянского народа, которые в силу исторических обстоятельств приобрели решающее значение в 70- 80-х годах прошлого столетия. Своим романом Церенц откликнулся на самые передовые настроения и стремления своего времени, направленные на национальное и социальное освобождение армянского народа. В этом заключается его историческая заслуга писателя и публициста.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	12
Глава четвертая	17
Глава пятая	20
Глава шестая	24
Глава седьмая	29
Глава восьмая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Церенц

В муках рождения

Глава первая

Сасун¹

...И явилось на небе великое знамение, жена... она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения. И родила она младенца мужского пола, которому надлежало пасти все народы жезлом железным.

Откровение Иоанна

По армянскому летосчислению в трехсотом² и от Рождества Христова в 851 году зима в провинции Тарой³ выдалась необычайно суровая. Снег покрыл белой пеленой равнину, а гора Сасун выглядела грозным чудищем из льда и снега.

Кто мог подумать, что на такой высоте и в такой мороз можно было жить и дышать?

Внизу, в долине, в городе Муш⁴, царили смерть и молчание, но склоны Тавра были полны жизни и движения. Буран неистовствовал и кружил в воздухе хлопья снега, а люди все поднимались, ползли, скользили на лыжах вверх и вниз. В такую погоду в этих снегах могли передвигаться только горцы, зимой и летом не снимающие домотканной шерстяной одежды и обуви из козьей шкуры. Сеяли они ячмень и просо, потому что на такой высоте среди камней могли произрастать только эти злаки.

Поселения горцев были так далеки друг от друга, что они зачастую не понимали языка соседей и объяснялись через переводчика, несмотря на то, что и те, и другие были армянами.

На этих горных высотах народ не расставался никогда с копьем, единственным оружием против диких зверей и врагов; им защищал своих князей, сидящих в Муше, которым он безропотно подчинялся.

Но что же было причиной такого движения в буран и стужу на горе Хут? Уже темнело, а сасунцы продолжали идти к северному склону горы. Там, перед церковью, стоял отряд молодых людей, не спускающих грустных взглядов с долины. У многих на глазах сверкали слезы. Они плакали не от холода. Они пришли с долины, эти юноши, и приютились пока на склоне горы, освобожденной от врагов. Некоторые из них были вооружены.

В это время из церкви вышли два священника, и один из них зычным голосом обратился к горцам:

– Братцы! Разожгите скорей огонь в комнате для гостей, принесите им еды. Они из долины, не привычны к нашим холодам; мы придем следом за вами.

Другой священник молча посмотрел в сторону долины, которая терялась в тучах снега, и обратился к пришельцам, грустно смотревшим на него.

– Велик бог и заступничество Просветителя⁵, о братья! – сказал он. – Не отчаивайтесь, сегодняшней победитель завтра может стать пленником. Во всем виновны наши князья, кото-

¹ Сасун – высокогорная область в юго-западной части исторической Армении. Один из центров народного движения против арабского владычества в IX веке; ныне находится в пределах Турции. Описываемое в романе восстание 851–855 гг. легло в основу эпоса «Давид Сасунский».

² Армянское летосчисление было принято в 552 г. н. э.

³ Тарон – одна из провинций исторической Армении, находится к западу от озера Ван.

⁴ Муш – город в равнинной части Тарона.

⁵ Григорий Просветитель – христианский проповедник в Армении конца III в. н. э. Основатель армяно-григорианской церкви. Тогда все, кто бегом, а кто не спеша, последовали за священником-горцем, который повел их в подворье.

рые верят словам и клятвам неверных и, как глупцы, бросаются в их когти, предавая народ этим нечестивцам. Но бог велик, и вы не унывайте.

Это было довольно просторное помещение, наполовину врытое в землю, с одной только дверью и с очагом в углу, где уже трещало несколько больших корневищ, распространяя вокруг живительное тепло.

Гостеприимные и хлебосольные сасунцы поставили перед своими братьями из долины все, что имели – хлеб из ячменя и проса, горячий танапур⁶, высушенный и соленый сыр и горный мед. Они сами брали по ломтю и, подбадривая гостей, угощали их.

– Кто знает, о братья, – говорили они, – возможно, уже завтра вам придется сражаться, и силы будут вам нужны. Кушайте, братья, и считайте, что вы в родном доме.

– Да, – горько засмеялся один из пришельцев. – Сейчас кров наш – открытое небо, а семьи наши, если они живы, кто знает в какой части Аравии!..

– Если только они живы... – повторило несколько человек, вытирая кулаком глаза. Иные обильно поливали хлеб солеными слезами.

И вот настала минута, когда никто больше не мог проглотить куска хлеба. Тогда встал местный священник, прочел благодарственную молитву, перекрестился и посмотрел в темноту трапезной, туда, где сверкало множество копий. Народу собралось так много, что пар от дыхания стоял облаком.

– Братья поселяне, подойдите ближе, – начал священник. – Что вы прячетесь в темноте? Настал день когда Святой Карапет⁷, Тарон, нахарары, князья, священнослужители и народ наш, преисполненные великой надежды, смотрят на гору Сасун. Вот вам кондак⁸ из великого монастыря, – он поднял руку и показал собравшимся пергаментный свиток, опечатанный множеством печатей. – Если я прочту его, то вы все равно не поймете, но содержание его всем нам знакомо. Это старая история. Более ста лет уже, как проклятые арабы вторглись в наши равнины и истребляют наш народ. Если бы не благословение Святого Карапета и заступничество Просветителя, в наших равнинах не осталось бы ни одного христианина, имя армян стерлось бы с лица Таронской земли. Но велика сила Христова, и если сегодня арабы вторгаются в наши земли, истребляют и уводят в плен армян, то завтра армяне сходят с гор, истребляют их и берут обратно наши ущелья. Никто из них не спасается. Но что толку? Этот проклятый народ через некоторое время снова идет на нас с еще большей яростью. А армянин должен терпеть это насилие до тех пор, пока не перельется чаша терпения. Тогда уже, не в силах вынести этого, он из хилого ягненка превращается в льва. Горы и доли вопиют, армяне поднимаются, даже мертвые словно воскресают, и равнины наши покрываются трупами неверных. Уже полтораста лет мы играем в эту игру. Им не надоело брать нас в плен и истреблять, а нам – убивать и уничтожать их. Но воля божья сбудется, Святой Карапет проявит свою мощь и придаст нам сил, дабы навсегда истребить этих нечестивцев. Вы знаете, братья и дети мои, что наш князь Багарат ездил к этому неверному арабу, который называл себя нашим другом, клялся своим пророком и своей верой, что не нанесет ему вреда. И знаете, что произошло? Он изменил своей клятве, ибо пророк его был лживым, а вера – безбожием. Багарата, его семью, детей – всех он заковал в цепи и отправил в Аравию, а сам остался в Муше и греет сейчас свои дряхлые кости в княжеском дворце князя Багарата, понося ежечасно нашу веру. И это все на виду у Святого Карапета. Бог этого не простит, не оставит без возмездия. Доколе же нам спать? Сасунцы никогда не боялись холода и не им сейчас отчаиваться. Если солнечные лучи придают силы нечестивым арабам, то холод должен бодрить и придавать силы армянам. Подумайте же, братья-поселяне, что нам надо делать, и решайтесь, ибо время не терпит, Святой Карапет в опасности!

⁶ Танапур – армянское национальное блюдо, приготавливаемое из пахтанья и пшеничной крупы.

⁷ Монастырь св. Карапета – духовный центр провинции Тарон, захваченный в это время арабами.

⁸ Кондак – духовное послание, булла от католикоса или патриарха.

По окончании проповеди священника глухой ропот поднялся в землянке. Каждый говорил с соседом, но никто не повышал голоса. Казалось ни у кого не хватало смелости говорить об этом прямо.

Наконец какой-то юноша воскликнул:

– Почему все только шепчутся и никто не заговорит громко? Где брат Овнан? Почему же он молчит? Каково его мнение? Если и ему нечего сказать, то нам здесь делать нечего. Разойдемся тогда по своим домам.

– Ты бы, парень, помолчал, – пригрозил ему какой-то старик. – Тебя только тут не хватало!

– Брат Мыкир, не сердись, парень прав.

– Где Овнан? Овнан!.. Овнан!.. – вскричали разом со всех сторон.

И вот из темноты отделился и прошел вперед мужчина лет сорока, среднего роста, с широким обветренным и обожженным солнцем лицом. Его темные глаза сверкали, как стрелы, они, казалось, проникали до глубины человеческого сердца и видели все насквозь.

Овнан был вооружен не только копьем, как все сасунцы, к поясу его был пристегнут и обоюдоострый меч.

– Говори, Овнан, говори! – закричали все. И когда шум утих, Овнан заговорил:

– Слушай меня, о народ Хута! Если вы хотите спасти монастырь Святого Карапета от проклятых арабов, если вы хотите отомстить за князя Багарата, не теряйте же субботы Святого Саркиса, не сидите сложа руки. Кто знает, возможно, этот буран и последний. Покуда арабы, эти исчадия ада, застывшие и онемевшие от холода, сидят в домах наших несчастных горожан, покуда эти нечестивцы греются еще у наших очагов, нам надо напасть на них. Слава богу, мы люди крепкие, холод и жара нам нипочем. Если вы спрашиваете меня, когда нам напасть на город, то я вам скажу: незамедлительно, сейчас, в этот мороз и буран. За четыре часа мы дойдем до Муша и ворвемся в город, когда разбойники будут еще крепко спать предрассветным сном. А когда мы войдем в город, совесть подскажет каждому, что надо делать. Я кончил.

Наступило глубокое молчание. Наконец священник счел своим долгом спросить.

– Братец Овнан, есть ли у тебя сведения о расположении арабов, об их аилах, раз ты так смело говоришь?

– Как не быть. И двух часов нет, как я вернулся домой. С того дня, как эти нечестивцы взяли князя Багарата в плен, у меня нет ни минуты покоя. Я был повсюду, осмотрел все, искал выхода, как его освободить. Взяв с собой около тридцати человек, я восемь дней подряд шел следом за неприятелем, но, увидев, что все наши усилия пропадут даром, а мои храбрецы зря погибнут, – повернул назад. Я был у монастыря Святого Апостола и видел, что делается в городе. Эти безбожники беспечно и спокойно сидят в Муше. Что им? Ведь Тарон стал кладбищем, никого не осталось в живых. Если бы утром со мной было человек пятьсот, ни один из этих разбойников не спасся бы от нас.

– Ну, ребята, чего же мы стоим? Идем! Идем! Овнан нас поведет! Идем! – крикнул один из горцев.

– Идем! Идем!.. – подхватила призыв и загудела толпа, теснившаяся в землянке и на дворе.

Глава вторая

Народ

Снег валил не переставая, буран свирепствовал, и людям нелегко было выйти в эту пору из домов. Поэтому, когда после полуночи у села Сарасеп, неподалеку от Муша, собралось около тысячи человек, вооруженных копьями, Овнан не стал больше ждать и повел их за собой, скользя по снегу на деревянных лыжах, издавна применяющихся местными горцами.

Он приметил, что ветер дует в спину, и это немного облегчало ужасающе трудный поход, а мысль, что они скоро встретятся с вражескими войсками, и надежда на победу еще больше поднимала дух воинов. Весь Сасун знал, что Овнан не знает усталости, что он никогда не падает духом, ничего не боится, и поэтому сейчас, скользя впереди отряда, он уверенно вел людей за собой. По древнему обычаю, шагая по снегу, передние из них постепенно отставали, а задние проходили вперед, как делают журавли в перелетах.

Луна, время от времени появляясь из-за облаков, тускло освещала снег, и все темные предметы вырисовывались отчетливее.

Отряд молча продолжал продвигаться. Часы текли. Ночь близилась к концу и рассвет был недалек, когда предводитель отряда неожиданно остановился и все стали за ним не понимая, что случилось.

Овнан увидел на дороге необычный снежный холм, и первой его мыслью было разбросать его. Он воткнул копье в снег, но почувствовал сопротивление. Раздались чьи-то крики, лошадиное фырканье, лязг оружия, и из-под разбросанного снега вышли четверо мужчин с лошадьми.

– Кто вы такие? Друзья или враги? – сурово спросил Овнан.

Ему громким смехом ответил самый высокий из мужчин.

– Ха, ха, ха! Если бы мы не были друзьями, вы думаете, мы жили бы в эту чудную погоду в этом розовом саду или ждали встречи с вами под этим снежным шатром?

– Шутить не время! – сказал Овнан. – Что вы тут делаете?

– Это я должен спросить, что вы тут делаете, тем более, что я имею больше прав, так как вы разрушили наш дом и, возможно, даже избавили от смерти, ибо никому неизвестно, сколько еще будет идти этот снег... Но вас, друзья, довольно много. Куда вы направляетесь в этот буран? На свадьбу или на дружеский пир? Храбрые сасунцы, как известно, никогда не расстаются со своим оружием.

– Да, мы идем на свадьбу, князь Гурген, – сказал Овнан, разглядев, наконец, высокого мужчину. – И чтобы не терять времени и стать соучастниками нашего веселья, соблаговолите и вы присоединиться к нам.

– Куда вы идете, братцы? – спросил негромко и серьезно князь.

– В Муш.

– Мы далеко от него?

– Осталось несколько шагов, я боюсь рассвета, как бы сыны Исмаила не увидели нас.

– Я сам с трудом различаю тебя, где этим нечестивцам разглядеть что-нибудь.

Овнан не ответил ему и зашагал быстрее уверенный, что князь Гурген, укрывшийся от бурана под снегом со своими всадниками, присоединится к ним, ибо он понял, что отряд Овнана идет против врагов армянского народа и армянской веры.

Наконец зоркие глаза Овнана разглядели высокий купол Мушской церкви, построенной в центре города князем Багаратом. Он остановился и разбил свой отряд на три части. Одна из них под его предводительством должна была вступить в город с юга, другая – с востока, а третья, обогнув город, – войти с северо-запада.

Так они и напали на Муш с трех сторон. Когда в городе раздались громкие, воинственные крики сасунцев, арабы потеряли голову и, увидев себя окруженными неприятелем, с отчаянными воплями разбежались по городу. Пленные армяне, получив свободу, приветствовали горцев радостными возгласами.

Востикан⁹ Юсуф, сын Абусета, который в это время нежился на перине во дворце Багарата, вскочил с теплой постели и растерянно стал метаться, спрашивая, что происходит. Когда ему доложили, что «дикие и кровожадные» горцы осадили город и уже ворвались в него, он выбежал из дворца и укрылся на колокольне церкви Спасителя. Он дрожал от страха, зная, что и там ему не будет спасения от горцев. Сасунцы окружили церковь. Несколько человек поднялись на колокольню и тут же прикончили его, пронзив насквозь копьем.

Тем временем князь Гурген нашел своих родичей Арцруни, бывших заложниками у Юсуфа, и освободил их из темницы. Сасунцы ликовали и радостно делили между собой добычу.

Веселье царило повсюду, армянские воины распивали вино из дворца князя Багарата, которое и грело, и веселило их. По улицам города разносились радостные песни. Небольшой отряд армян во главе с Овнаном очищал церковь Спасителя от грязи, трупов и крови.

На второй день утром под куполом церкви неслись ввысь уже не арабские молитвы, а псалмы горцев во славу бога, ниспославшего армянам победу.

В тот же день, когда солнце уже ярко светило, а снег слепил глаза, армяне стали вывозить из Муша в Хут взятую у арабов добычу.

Овнан, сложив на груди руки, смотрел на эту картину. Услышав за собой шаги, он обернулся и увидел князя.

– Брат Овнан, – сказал Гурген, – почему ты бездействуешь, когда все работают?

– Упаси меня бог от такой работы, – ответил Овнан. – Все что увозят сасунцы, это наше, армянское добро. Варвары, идя к нам в Армению, кроме своих черных лиц, мечей, лжи и проповеди своей отвратительной веры, ничего не приносят с собой. Все это богатство вывезено из Васпуракана¹⁰ и Тарона. Сасунцы имеют право его вывозить, потому что владельцев не осталось в живых. Но я, если бы было возможно, раздал бы все это тем несчастным пленным, жены и дети которых неизвестно где и кому достались.

Говоря так, этот мужественный человек отвернулся, чтобы скрыть слезы. Но он умел владеть собой, и слезы застыли в его глазах. Князь Гурген внимательно смотрел на этого необыкновенного горца. Овнан был типичным армянином с твердым и сильным лицом простого человека из народа.

Заметив, что князь разглядывает его, он устремил свой острый взор на Гургена и одним взглядом прочел на его молодом лице уверенность, граничащую с дерзостью, неумную силу и храбрость, казалось, им самим, еще неосознанную. На его ясном лице не было ни одной морщинки, большие, темные глаза смотрели вокруг весело. Высокий и статный князь Гурген был очень хорошо сложен. Одет был он просто, но со вкусом. Оружие и латы его были из железа, но выложены золотом и серебром. Конь его, которого слуга держал под уздцы, чистокровный армянский рысак, не спускал глаз со своего владельца и легким ржанием давал знать о себе. Князь успокаивал его, время от времени приговаривая: «Сейчас, Цолак, сейчас».

– Собираешься уезжать, князь? – спросил Овнан спокойно.

– Да, брат Овнан, – ответил Гурген, – но наш разговор такой серьезный, что я не могу расстаться с тобой, не задав тебе нескольких вопросов. Вот вы, сасунцы, храбро выполнили свой долг, а как вы поступите завтра, если халиф вместо Юсуфа пошлет сюда Якуба, Ибраима,

⁹ Востикан – арабский наместник верховного эмира, полновластный правитель армянских земель.

¹⁰ Васпуракан – обширная область в исторической Армении, расположенная к востоку от озера Ван. После освобождения страны от арабов здесь в X–XI веках существовало Васпураканское царство Арцрунидов с центром в городе Ване.

Абдула и ваш город Хут осадит войско в 150 000 человек? Я об этом все думаю со вчерашнего дня и боюсь, что ваша радость скоро сменится печалью, а вся эта добыча, не пройдет и года, как попадет в Аравию.

– Очень возможно, потому что армянин – не человек.

– Ах, мне уже надоело слушать о том, что «армяне недружны», что «армянин не любит свою нацию», «армянин любит чужестранцев», «армянин – негодяй», «армянин труслив», будто тот, кто это говорит, сам не армянин, будто среди других наций: греков, персов, сирийцев, арабов – нет таких. Сколько на свете лиц, столько и интересов, характеров и положений. Глуп тот, кто хочет сделать возможным невозможное. Я тебя спрашиваю о деле, потому что ты не только человек дела, но, вижу, и умница. Скажи мне, что по-твоему должен был делать армянин, если бы он был человеком?

– Вопрос твой уместен, и ответ на него готов, но я боюсь, что он может обидеть и возмутить такого благородного и храброго князя, как ты.

– Прошу тебя, я считаю своим долгом говорить с тобой во имя армянского народа и христианства.

– Тогда я скажу. Все армяне, где бы они ни были, должны объединиться и решать свою судьбу без нахараров¹¹. Тогда только, возможно, армянский народ найдет свое спасение.

Это неожиданное мнение изумило князя и вызвало на его лице легкую краску. Но он спокойно ответил:

– Какими преступлениями заслужили нахарары такую лютую ненависть? Я знаю, что среди нас и наших предков много людей с недостатками, среди нахарарских родов много было глупцов и негодяев, но ведь среди них были и такие, которые могли бы составить честь и славу истории великих народов. И если бы изъятие их могло бы принести пользу и спасение моему народу, бог свидетель, я бы дал свое согласие, чтобы кончить этот кровавый спор. Но я очень сомневаюсь, что после истребления этих князей на их месте не станут их убийцы и не будут действовать еще хуже... Твое желание когда-то сбылось в Нахичеване¹², и деды этих арабов, которых ты сегодня пронзал копьем, какие-нибудь Кашимы и Абдулы, сжигали армянских нахараров и храбрецов. Этому пиршеству не хватало только армянских рук, чтобы разжечь пламя, зажженное мусульманами.

Но я сгруппил и не выждал, чтобы узнать, за что ты так враждуешь с князьями и знатью. Я знаю, что ты находился у них на службе, сидел с ними за одним столом и жил в их домах. И я знаю, как безгранично любил тебя князь Багарат.

– Прежде всего, князь, ты должен знать, что я для спасения князя Багарата забыл о своем домашнем очаге. Ты должен знать, что когда все советовали князю отозваться на приглашение востикана, чтобы не вызвать его гнева, я просил и умолял его не ездить к нему и остерегаться этих вероломных людей, считающих за честь не только проливать кровь христиан, брать в плен и грабить их имущество, но ложными клятвами обманывать их и изменять своему слову. Но князь Багарат не послушался меня.

Я говорю тебе эти слова, князь Гурген, не для того, чтобы доказать свою верность и дальновидность. Я ведь не враждовал ни с князьями, ни с азатами¹³. Я спокойно и счастливо жил в своих горах и жил бы так, если бы князь Багарат не разыскал меня, не взял к себе и не внушил, что единственной причиной несчастья армянского народа является дворянское сословие.

¹¹ Нахарары – армянские феодалы, крупная и средняя землевладельческая знать.

¹² Нахичеван (Нахчаван) – один из крупных городов средневековой Армении. Арабы в 706 г. обманном путем заманили сюда около 800 нахараров и азатов и сожгли их в церквях города.

¹³ Азаты (букв. свободные) – вообще правящее сословие дворян-землевладельцев. В более узком смысле – мелкая знать.

Да, после долгих наблюдений в течение двенадцати лет я убедился, что, когда во главе народа становится один человек или одно сословие, пользующееся славой, почестями, уважением, то он должен считать своим долгом не только пользоваться этим, но и руководить народом. А разве наши нахарары, князья, дворяне и азаты выполнили этот долг? Я расскажу тебе и с душевной болью расскажу, о Гурген, как они выполнили его. Когда один из персидских царей изменнически убил армянского царя, нахарары армянские без сопротивления перешли на сторону изменника¹⁴. Один из царских сыновей спасся от резни, вырос и с помощью чужеземцев освободил свою страну от врагов. Этот царевич спас свой народ и стал для армян вторым Просветителем. Нахарары умолили молодого царя вернуться на свой престол, а через некоторое время отравили его¹⁵. Вот как они поступили с достойным царем. Когда же на армянском престоле воцарился глупый, негодный человек, они предали его чужеземцам, нечестивым персам и погубили свое царство. Не говорю уже о Меружанах, Васаках, Гедеонах¹⁶, которые стали причиной кровопролитий и увода народа в плен.

Вернемся теперь к нашему времени и посмотрим, что сделали эти нахарары и как они правят народом, Вот теперь Васпуракан все время посылает неверным арабам заложников и богатые дары. Земля Таронская утопает в крови, а народ стонет от цепей и рабского ярма. И в такое время уже год, как князь Григор Сюнийский и Бабкен Сисакан воюют между собой, точно мало у нас чужеземцев, с кем надо воевать.

Ты потомок двух знатных нахарарских родов Арцруни и Мамиконянов, ты должен знать, почему Багарат, отчаявшись и не дождавшись помощи от соседей, попросил помощи у чужеземцев – он не был уверен в своих нахарарах. Та же участь ждет наших князей, которые являются не владельцами несчастной Армении, а тиранами. Они не могут защитить ее от чужеземцев. Потакая своим слепым страстям, мелкому и низкому честолюбию, они роют яму самим себе и своему народу. Храбрые и непобедимые в бою, они безжалостно проливают кровь своих подданных, разоряют страны таких же армян. Что для них армянин? Ничто! Вот, мой храбрый князь, почему я, огорченный всеми этими бедствиями, сказал тебе столько неприятного. Поверь, что мной руководит не зависть и не жажда власти. Я болею только о своем народе, покорном своим духовным и земным князьям, который гибнет ежечасно и духовно, и телесно.

Он умолк. Наступило глубокое молчание. Овнан, сын народа, молча опустил голову. Молодой князь также не поднимал головы. Немного погодя, князь, казалось, очнувшись от сна, вспомнил о чем-то. Не ответив ничего Овнану, простился с ним, приложив руку к сердцу, и подал знак, чтобы ему подвели коня, вскочил на Цолака и повернул на восток, сопровождаемый слугами и освобожденными им заложниками, князьями Арцруни.

¹⁴ Речь идет об армянском царе Аршаке Втором (345–367 гг.), вероломно захваченном персидским царем Шапуром II.

¹⁵ Имеется в виду сын Аршака II царь Пап (368–374 гг.), который по наущению армянских князей, а также духовенства, недовольного его политикой в отношении церкви, предательски был убит римлянами во время пира.

¹⁶ Имена армянских князей-изменников.

Глава третья

Волшебное зеркало

Овнан, опершись о копьё, долго смотрел вслед небольшому отряду.

«Возможно, Гурген и обиделся на меня, разгневался, но разве то, что я сказал ему, неправда? Он мог бы мне сказать, что если нахарары и князья глупы и негодны, то народ, подчиняясь их своенравию и произволу, как бессловесное животное, еще глупее и негоднее. Это был бы справедливый ответ на мои слова. Но что делать? Восстанавливать, раздражать народ против своих вековых владетелей и князей в такое время, когда арабы, с одной стороны, греки – с другой, топчут эту несчастную страну и хотят стереть с лица земли армян? Магомет учит своих учеников быть безжалостными и неумолимыми с христианами, а христиане-греки не запрещают им притеснять христиан-армян. Два государства, арабское и греческое, воюют друг с другом и губят Армению. Вчера император Теофилий напал на нас, разорил страну и увел в плен народ; сегодня, откуда ни возьмись, явился Абу-Джафр еще больше разорять и губить Армению. А наши нахарары вместо того, чтобы спасти свою страну, из-за жалкого тщеславия и бессмысленной жадности воюют между собой и изменяют друг другу, А ты, армянин, ты, христианин, должен быть свидетелем этого кошмара, ты, бедный Овнан, будь равнодушен, как камень, и смотри, как братья твои умирают в мучениях, как дети твои изменяют своей религии, своей нации, погибают из-за них, жена твоя и дочь уводятся в чужую страну служанками и наложницами убийц и насильников, заглушая в лязге цепей свое горе и рыдания. Вот судьба несчастных армян уже несколько веков. А духовенство, друг и приятель наших нахараров, говорит нам: „Это все послано нам за наши грехи“».

Продолжая раздумывать об этом, Овнан с сокрушенным сердцем пошел по направлению к городу. Ни разгром врага, ни освобождение пленных, ни спасение заложников не вызвало улыбки на его лице, особенно, когда он вспоминал пророчество Гургена. Время от времени он невольно оборачивался и грустно смотрел вслед отряду, едущему в сторону Васпуракана. Все вокруг были заняты только грабежом. С большим трудом Овнан собрал своих товарищей и напомнил им, что они должны еще освободить монастырь Святого Карапета. Сасунцы повскакали с мест, побросали все и с громовым криком «Пойдем на монастырь!» последовали за Овнаном, который твердо шагал впереди, прикладывая изредка руку ко лбу, славно отгоняя мысль, упорно возвращающуюся к нему. Овнан изредка поглядывал на ясное, сверкающее небо. Но солнце едва грело землю. Воины сасунцы стремились вперед, охваченные мыслью об освобождении занятого арабами монастыря Святого Карапета. Они во что бы то ни стало хотели засветло дойти до монастыря. Их предводитель смотрел на небо и просил у бога только одного, чтобы не сбылось пророчество Гургена. Он все время повторял: «Господи, неужели из-за меня должна пролиться армянская кровь? Я ведь хочу только одного – спасения своего народа!»

Несмотря на мучительные думы, Овнан продолжал шагать впереди. Горцы не отставали от него, было видно, что он пользовался большим уважением и доверием своих земляков.

Этот человек, не будучи никем избранным, не имея состояния и знатного имени, пользовался на горе Сим огромным уважением, ибо все знали его бескорыстие, знали, что он беднее многих из них, хотя долгие годы был любимцем князя Багарата. Всем – было известно, как помогал Овнан словом и делом неимущим и несчастным и как неумолимо суров был к угнетателям и нечестивцам. К этим его качествам надо добавить еще его грамотность, что было большой редкостью в то тяжелое время и в этих горных краях считалось чем-то сверхъестественным. Много раз после того, как священник прочитает над больным свое «Исцелися», родные больного просили Овнана прочитать над ним евангелие, и многие находили, что его молитва

исцеляла больных. При этом все видели, каким вдохновенным становилось лицо Овна, как сосредоточенно смотрели его глаза и как этот сильный человек смиренно говорил, что он чувствует силу слова Христова. Наконец, брат Овн был для сасунцев чем-то вроде святого, и когда он по делу покидал село, то многим казался Моисеем, исчезнувшим на глазах израильтян на горе Синай. Если в окружении Овна и попадалось несколько негодных и завистливых людей, каких немало везде и всегда, то они не решались даже рта раскрыть.

Солнце уже близилось к закату, когда неожиданно показался отряд арабов, движущихся навстречу сасунцам, якобы для оказания им дружеского приема. По приказу Овна армяне разбились на небольшие отряды и, образовав четырехугольник, напали на арабов, стремясь остановить их.

Хоть множество арабов и было истреблено при этом, все же часть конников, прорвавшись сквозь пешие отряды горцев, сумела пробраться через границу Армении и донести своим, что армяне разбили их наголову и убили наместника халифа.

Монастырь Святого Карапета был освобожден, и часть сасунцев уже возвращалась к себе в горы. Овн, отделившись от них, задумчиво продолжал идти вперед. Дойдя до церкви, он вошел помолиться. Все думы и мольбы этого благородного человека были только о том, чтобы пророчество Гургена не сбылось. Сердце его трепетало при мысли, что он может стать причиной несчастья своего народа.

Наконец, игумен и монахи отслужили молебен во славу спасителей и пригласили Овна со всеми оставшимися товарищами в трапезную поужинать с ними. Естественно, что за трапезой все разговоры были о сражении и о победе горцев. Один Овн говорил мало и вскоре, отговорившись усталостью, вышел, чтобы отдохнуть на стог сена.

Через несколько часов он проснулся, и усталости как не бывало. Колокол звал монахов в церковь. Овн одним из первых стал у входа в храм. Служба уже началась, когда вдруг он почувствовал на плече чью-то руку. Оглянувшись, Овн увидел высокого, худого старца с длинной белоснежной бородой. Широкое серое шерстяное одеяние его доходило до пят. Смуглое морщинистое лицо и большие черные глаза светились добротой. Не говоря ни слова, он взял Овна за руку и вывел из церкви. Когда они оказались одни под лунным светом, старец сказал:

– Пойдем за мной, Овн, если хочешь, чтобы завеса будущего разверзлась пред тобою и показала божественную тайну грядущего. Пойдем, со мной, не бойся.

– Боялся ли я чего когда-нибудь, чтобы испугаться сейчас? – сказал Овн. – Сасунский воин не боится ничего.

– Но ты смесь воина и священника, ты смесь веры и безверия, ты смесь храбрости и, если не робости, то сомнений.

– Я тверд в своей вере, я воин.

– Ты меня не знаешь с собой. Ты был мальчиком, когда я увидел тебя впервые. Когда ты покинул горы, мои глаза следили за тобой повсюду и знали все твои тайны. Итак, пойдем со мной. Ты не хочешь знать будущего? Разве ты не о нем молился, не о том, что, возможно, ты стал причиной несчастья Армении, истребив эту разбойничью банду? Не это разве мучает тебя?

Холодная железная рука старца леденила руку Овна. Молча шагая по снегу, скрипящему у них под ногами, они то поднимались, то опускались и вновь взбирались, переходили через замерзшие ручьи и речки, затем перешли через большую реку, широкое ледяное поле, которое подсказало Овну, что они переходят Арацани¹⁷. Под тусклым лунным светом они продолжали идти между скал и холмов, по ущельям, мимо пропастей и пещер так долго, что Овн уже не понимал, где он. Наконец они остановились у входа в большую пещеру, и ста-

¹⁷ Арацани – один из притоков Евфрата. Сейчас называется Мурад-чай.

рец, не останавливаясь, вступил в темноту, еще крепче сжимая руку спутника. Он повел его за собой все дальше и дальше. Овнан, не ощущая страха, шел за ним и рассуждал сам с собой: «Вот уже четыре часа, как мы шагаем, а он не выказывает и тени усталости. Рука его не дрожит и не теплеет. Будь она даже ледяной, она должна бы растопиться от жара моей руки».

– Овнан, нагнись и следуй за мной, – сказал старец. – Не выпрямляйся, пока я не скажу тебе.

Некоторое время они шли нагнувшись, потом старец велел ему выпрямиться, и Овнан почувствовал, что ему легче дышится, хотя они были в подземелье.

Наконец вдали мелькнула полоска света, и вскоре они вошли в просторное помещение, освещенное множеством серебряных светильников, лампад и свечей, горевших в золотых подсвечниках, где на бронзовом постаменте стояло изумительное золотое изображение богини Анаит, покровительницы древней Армении. Налево от нее возвышалась статуя бога Ваагна, а с правой стороны – богини Астхик¹⁸. Перед изображениями трех богов находился золотой треножник. Нельзя было понять – находился ли этот храм (а это, действительно, был храм с куполом посередине, окруженным маленькими куполами) под землей или на земле. Все стены его были покрыты резьбой и изображениями богов. Посередине храма с купола свисала большая хрустальная люстра, неизвестно из каких дальних стран привезенная, чтобы осветить этот мрак и эту подземную языческую службу.

Эта картина так ошеломила Овнана, что он даже не почувствовал, как оставил его старец. Он стал разглядывать этот древний памятник, это чудо искусства, подобие которого он не мог вспомнить, где видел: в Константинополе или в Багдаде.

Пока он раздумывал, раздалось пение, храм наполнился индийским и арабским ароматным фимиамом, треножник закурился, как кадило, и дым, поднимающийся над ним, успокоил и размягчил его железные нервы своим дивным благовонием.

Овнан искал дверь и не мог найти входа. Он растерялся, почувствовав, что находится в тюрьме, но в великолепной тюрьме.

Не успел он подумать об этом, как невидимые двери в постаментах Ваагна и Астхик открылись и оттуда парами стали выходить жрецы и жрицы и становиться перед статуями. Их богатые, златотканые одежды радовали глаз, и пока Овнан разглядывал их, растворилась дверь постамента Анаит, откуда вышли верховный жрец и верховная жрица, красивая молодая женщина, Песни смолкли. Овнан узнал в жреце старца, который привел его сюда. Когда песни смолкли, раздалась грустная и нежная игра на свирели, которая волновала и ласкала слушателя. Тогда жрец указал жрице, чтобы она села, а сам, окруженный толпой жрецов и жриц, простер руки вверх и стал беззвучно молиться. Через несколько минут все заменили, как жрица, сидящая на треножнике, побледнела и вся затрепетала. Глаза ее раскрылись, но взгляд был неподвижен. Тогда жрецу подали книгу с чистыми серебряными листами. Старец раскрыл ее и, подав жрице, сказал властным голосом: «Читай, вдохновенная богами!»

Музыка умолкла, и наступила такая тишина, что слышалось только дыхание жрицы. Никто не сводил с нее глаз. А она, не отрываясь, смотрела на серебряный лист, меняясь в лице и вздрагивая всем телом. Наконец глаза ее загорелись, она оживилась и стала жадно читать. Из глаз ее потекли обильные слезы, уста раскрылись для вздохов. Тогда верховный жрец вновь повторил: «Читай, вдохновенная богами. Читай громко!».

И жрица заговорила в экстазе:

– Армения, мало тебе твоих страданий, твоих мук. Еще целы твои города, еще стоят твои храмы, еще слышатся голоса невест и женихов, еще плачут дети в колыбелях, еще трещит огонь в очагах, поднимается дым из ордигов¹⁹. Еще сыновья твои ходят, гордо подняв головы,

¹⁸ Анаит, Ваагн, Астхик – древнеармянские языческие боги.

¹⁹ Ердик – дымовое отверстие в кровле дома, служащее одновременно окном.

сверкает железо в их руках и за поясом, а на головах блестят шлемы. Еще твои девушки одевают себя виссоном²⁰, руки их украшены запястьями, шеи – золотыми ожерельями. Но настанет конец всему. Города твои станут безлюдными, села останутся без домов, храмы твои – полуразрушенными. В домах твоих радостные голоса и свадебные песни сменятся плачем и вздохами, звон твоего оружия – лязгом цепей. Вместо звона ожерелий и запястий раздастся свист бича. Да, твои храбрецы будут пленниками на родной земле и на чужбине, твои девушки – служанками в отчем доме и в чужих краях. Повернешься на восток – и увидишь врага, повернешься на запад – и тоже увидишь врага. Будешь просить помощи – получишь презрение и поношение. Обратишь взоры в небо – оттуда посыплется на тебя град и поразит молния. Сыновья твои станут братоубийцами и ранят сердца своих матерей.

Овнан стоял неподвижно, сложив руки на груди, не сводя глаз со жрицы, с ее сверкавших глаз. Волнуясь, слушал он ее странный голос и говорил себе: «Если эта женщина только актриса, то она хорошо играет свою роль, я даже среди греческих актрис не видел таких. Если то, что она говорит, правда, то горе нам, горе армянскому народу. Но чем может доказать эта необыкновенная пророчица верность своих предсказаний?»

Между тем, жрица, склонив голову на грудь, казалось, была погружена в глубокий сон. Свирели продолжали свою грустную песню. Вдруг жрица вздрогнула, подножник под ней покачнулся, глаза ее раскрылись, сверкнули гневом, и, указывая на Овна пальцем, она воскликнула:

– Ты хочешь доказательства, выслушай же, о чем мне поведала Артемида²¹, чье прошлое перед моими глазами. Я вижу тебя прекрасным юношей, едва достигшим зрелости, горячим, как огонь, с сердцем, охваченным любовью, как луна нимбом. Но какая глупость, о горец, о бедный селянин из Хута, на кого ты поднимаешь взоры, на что надеешься? Ты осмеливаешься раскрыть свое пламенное сердце перед девушкой, увенчанной княжеской короной?

При последних словах Овнан вздрогнул, словно ужаленный змеей, и посмотрел на невидимую дверь.

– Куда ты смотришь, куда ты хочешь бежать? – продолжала жрица. – Ты хотел доказательств? Так вспомни прекрасные лунные ночи той весной, сад, благоухающий розами, куда трепетно входил ты с маленьким ключом в руках, первую ночь любви, с которой не сравнится ничто на свете, когда ты впервые услышал от любимой слово «люблю», ставшее для тебя причиной стольких бед и страданий. Да, первую ночь, когда ты, слуга, горец, поселянин, осмелился опуститься на колени перед юной княжной и поцеловать ей руку. Но годы счастья быстро умчались. Княжну, укрытую покрывалом, отправили на запад, к греческой границе, замаливать свои грехи, а тебя, избитого и закованного в цепи, – на восток, в один из монастырей, каяться в своем тяжком преступлении, в том, что ты не различил глубокой пропасти, отделяющей азата от аназата²², знатного от незнатного, нахарара от поселянина, богача от бедняка. Да, за то, что ты осмелился полюбить девушку, на которой ты не заметил княжеской короны. Ты проник в ее благородное сердце и забыл, кто ты. Жалкий червь, ты пожелал подняться, как орел, к солнцу. Вот о чем ты думал все эти годы, когда, заключенный в монастырь, мечтал только о том, чтобы вырваться на волю и узнать, что стало с богиней твоего сердца.

Все, кто был в храме, не сводили с них глаз.

Женщина эта была высшим существом, слова ее, как стрелы, вонзались в несчастного горца, они бередили старые раны его сердца. Этот человек, тело которого было покрыто боевыми шрамами, стоически переносивший сильную боль, не издававший при этом ни стоны,

²⁰ Виссон – дорогая материя из льна.

²¹ Артемида или Диана – та же Анаит, богиня охоты и животных, покровительница женского целомудрия. Армянский пантеон имел много общих черт с греко-римским пантеоном.

²² Аназаты – эксплуатируемое сословие в феодальной Армении, в которое входили крестьяне, ремесленники, торговцы и челядь.

сейчас глухо стонал и был покрыт холодным потом. Он стоял неподвижно, затаив дыхание. Воспоминания о первой, пламенной любви, казавшиеся ему угасшими, ибо много бурь пронеслось над его головой, разгорелись от чужого дыхания и заискрились из-под пепла. Он хотел крикнуть, спросить, где и что будет с богиней его сердца, но голос не подчинялся ему. Он, казалось, онемел и не в силах был вымолвить слова. Жрица, читающая его сердечную тайну и заметившая его волнение, вновь заговорила: «Ты хочешь знать, о чем думает та, что создана была для тебя природой и которую разлучил с тобой человеческий несправедный закон, будь спокоен. Настанет день и, возможно, он близок, когда ты еще раз увидишь ее, еще раз со слезами падешь к ее ногам. Но тебе еще предстоит действовать, ты должен стать примером, должен доказать миру, что армянский народ не жалок, что ему присущи добродетели, которыми гордятся те, кто кичится именами своих предков. Иди, пред тобой открыто великое – поприще, грядущие бедствия будут ужасными, крепись, ибо близок день, когда будут трещать щиты, ломаться копья и мечи. Иди, воин народный, и да помогут тебе силы небесные!»

Облако благоуханий вновь окутало треножник, светильники погасли, и Овнан, лишь слегка ободренный последними словами жрицы, ощупью стал искать во мраке выход. Кто-то взял его за руку.

– Следуй за мной, Овнан, – сказал знакомый голос.

И они зашагали во мраке по той же дороге, которой пришли. Старый жрец довел его до выхода из пещеры. Наступило утро, и все вокруг было освещено солнцем.

– Иди, сын мой Овнан, и да помогут тебе силы небесные, – сказал старец и скрылся во мраке пещеры. А Овнан, обессиленный, пройдя немного, очнулся и узнал развалины Аштишата²³.

Древняя языческая вера, исчезнувшая с лица армянской земли 550 лет тому назад, казалась, еще жила невидимая под землей.

²³ Аштишат – древний город на берегу Арацани, духовный центр языческой Армении. В конце III в. н. э., при утверждении христианства, храмы Ваагна, Анаит и др. богов были разрушены.

Глава четвертая

Князь Арцруни

Оставим Овнана у могилы Саака Великого, среди руин Аштишата, в глубоком раздумье о родине, о собственной судьбе, в поисках пути, по которому надо ему идти, и вернемся к князю Гургену Арцруни, к чудесному витязю того времени и, как ни удивительно, пока неизвестного никому.

Князь Гурген, волею судеб отпрыск двух благородных фамилий (со стороны матери он происходил из рода Мамиконянов), делал им честь своими личными качествами. В беседе с Овнаном он не смог, скорее не захотел ему ответить, когда тот бросил тяжкие обвинения потомкам нахараров.

Отъехав от Муша, Гурген еще долго возвращался мысленно к тому, что говорил этот простой человек из народа. Посредине слова Овнана еще звучали в его ушах.

«Нет, это не простой человек, – думал о нем Гурген, – и он имеет право быть нами недовольным... А мы, разве мы не имеем права роптать? Есть ли князь, который не подвергнулся удару меча, измене, козням, ограблению со стороны такого же, как сам, азата? Разве мой отец не погиб от руки своего же родича Арцруни, и все мое наследство не перешло к ним? Кому же мне тогда жаловаться? Вот уже восемь лет, как я скитаюсь по свету, покинув свой родной Васпуракан. И что я видел за это время? Повсюду тот же звероподобный человек, злой, лживый, завистливый, безжалостный, чванливый в удаче, подлый в беде, словом, не человек, а жалкое животное.

Видел я недавно с парапета Манвела Мамиконяна, бежавшего от греческого императора, жизнь которому когда-то он спас. Он бежал к его врагам, чтобы спасти свою жизнь.

Вот я, прямой потомок Арцруни и Мамиконянов, я, Гурген, сын Апулелча, благородный князь, вступаю на землю своих предков как пленник, как раб, и негде мне преклонить своей головы. Все мое состояние, мое богатство – вот этот конь и этот меч... И, может быть, еще та, которая ждет меня... Мое единственное благо, единственное сокровище, моя жизнь – ты моя Эхинэ!.. Да, я счастливее, чем Ашот, я не променяю свою Эхинэ на великолепный трон князей Арцруни!.. Свою небольшую крепость Тортум с ее прекрасным озером и журчанием рек, с ее чудесными садами я не променяю на могучую Ванскую крепость Васпуракана, на Ванское озеро, на острова и густые леса. Вместо того, чтобы бороться с мятежами нахараров, искать выхода среди тысяч заговоров, быть всегда начеку, чтобы избежать безжалостных арабских мечей, коварства и обмана, я буду жить среди крестьян своего бедного Тортума, моих простодушных греков, которые не смогут обмануть тебя, если ты не глупее их. Да, с моей Эхинэ везде можно быть счастливым. Я сказал ей перед отъездом из родного края: „Или я погибну, или вернусь, чтобы тебя, княжну Рштуни, взять в мою небольшую область, где без горя и забот мы можем преклонить свои обездоленные головы вдали от наших знатных родичей, не пожалевших самых подлых средств: убийства, заговоров, ложных показаний, – чтобы расхитить наследие двух сирот!..

Великий князь Ашот при нашем последнем свидании, когда я просил его вернуть мое отцовское наследство, сказал:

– Я хорошо знаю, что мой дед поступил несправедливо и жестоко, убив твоего отца и захватив его земли, но если каждый нахарар вернет настоящему владельцу захваченные им земли, то у него не останется и небольшого поля с жалкой хижинкой. Ты молод и родовит, храбр и силен, послужи мне верой и правдой, и я тебя вознагражу. У тебя будет свой дом, земля, сады. Если же я останусь доволен тобой, то сделаю тебя владельцем замка и сел. Но если ты

еще раз заговоришь об отцовском наследии и о совершенном злодеянии, знай, что я не прощу тебе этого. Тогда берегись!..

Столь малая щедрость и столь великая угроза мне пришлось не по сердцу.

„Вместо того, чтобы за эту цену служить тебе, я поеду и буду служить греческому императору“, – подумал я. – И я перешел через реки Арацани и Евфрат, вступил в греческую армию как раз во время войны и – удивительное совпадение – греческим спарпетом оказался не только армянин, но и мой родич, военачальник Манвел Мамиконян. Тот самый, кто спас от плена и смерти императора Теофилия. Когда спарпет увидел меня, тогда еще безбородого восемнадцатилетнего юношу, узнал, кто я и кем были мой дед и мой дядя, он окинул меня взглядом и сказал:

– Хотя ты и юн, но не можешь не быть храбрецом, раз ты потомок Арцруни и Мамиконянов. Иди же вперед, мой сын, ты счастлив еще и потому, что перед нами поприще славы – бранное поле. Ты в стане христиан, и одно это уже великое благо.

Едем же в столицу княжества Рштуни, едем, чтобы скорее вернуться в мой родной Тортум, где все готово к достойному приему моей Эхинэ, все, что может скрасить ее жизнь на чужбине. О, если она будет любить меня так же сильно, как я ее, она будет счастлива, даже вдали от своего Ванского озера!..“»

Долго еще ехали наши всадники, и молчание Гургена заставляло молчать и остальных, тем более, что пронизывающий до костей мороз сковывал их волю. Но было нечто, что не могло не нарушить молчания всадников. Это был голод. И когда небольшой отряд проехал монастырь Апостолов и свернул к Марку, а солнце стало клониться к закату, то, словно проснувшись от она, Гурген обратился к своим спутникам:

– Братцы, вы не голодны? Что вы молчите? Много ли мы проехали? Вахрич, ты эти места знаешь хорошо. Где ты? Голоса твоего не слышно. Или язык у тебя примерз к гортани? Ты даже есть не хочешь?

– Князь, – сказал, подъехав к нему, Вахрич. – По такому снегу мы проделали немалый путь. Возможно, скоро доедем и до Норашена. А если и завтра погода будет нам благоприятствовать, еще быстрее доедем до Датвана. Там уже дорога станет легче.

– Неужели путь от Норашена к Датвану такой трудный и долгий?

– Не трудный и не долгий, князь, но очень опасный в зимнюю пору. Небольшой восточный ветер – и мы погибли, потому что легкий ветерок, дующий с озера, в горах Гргура и Небровта превратится в бешеный ураган.

– Когда, по-твоему, мы доедем до Норашена?

– Если погнать коней, то к закату доедем.

– Что ж, погоним, если вы не очень устали и не голодны.

– Мне-то не трудно, князь, но наши благородные всадники, кажется, и голодны, и устали, хоть и не решаются говорить.

– Что ты, Вахрич, разве они не Арцруни?

– Да, Арцруни, но не каждый из них Гурген.

– Князь! – окликнул своих спутников Гурген. – Не лучше ли нам подхлестнуть коней и скорей доедать до Норашена? Заморим червячка, не сходя с лошадей, зато вечером хорошо поужинаем и отдохнем. Ну-ка, Вахрич, дай князьям чего-нибудь поесть.

– Я могу дать князьям не только поесть, но и слегка смочить горло. Глупые арабы, расхитив все, забыли о вине. А вино благородное, из Тарона. Верно ли то, что Святой Карпет пил только это вино перед тем, как попасть в рай, не знаю, но я наполнил им свой бурдюк.

– А ну, дай мне его.

– Соблаговоли, князь, – сказал Вахрич, протягивая бурдюк Гургену. Он достал из переметной сумы лаваш²⁴, мясо и раздал всадникам.

– Вино твое прекрасно, но ты должен был наполнить бурдюк до краев. Ты оказался беспечным, Вахрич.

– Нет, князь, он был у меня полон, но разве вино выдержит такую стужу? Оно испаряется тут же.

Посмеявшись над таким «чудом», всадники погнали коней и до наступления темноты приехали в Норашен. Крестьяне, увидев княжеский отряд, с армянским гостеприимством и почестями приняли его. Излишне говорить, что, к великому горю Вахрича и разочарованию остальных, вино в бурдюке скоро иссякло.

Еще затемно князь Гурген разбудил товарищей, и при лунном свете они доехали до Датвана, откуда, не останавливаясь, свернули на дорогу, которая вилась по берегу Ванского озера. Сегодня князь уже не говорил и не ел ничего, он только похлопывал по шее своего коня...

– Ну, Цолак, ты у меня молодец, умнее глупца, ты чувствуешь, что творится в моем сердце.

И конь, погоняемый Гургеном, мчался еще быстрее, между тем как всадники, не особенно довольные, тоже невольно подхлестывали своих лошадей.

Вахрич скакал в конце отряда и, посасывая остатки вина из бурдюка, бормотал про себя: «Пошли бог тебе удачи, князь Гурген. Не знаю, в тебя ли вселился бес или в твоего Цолака. Если в Цоляка, ты бы давно изгнал его – так нещадно хлещешь бедного коня. Видно, бес вселился в тебя, и ты хочешь уморить и людей, и животных. Вахрич, тебе надо поговорить с князем, остальные, видно, не решаются. До сего дня он так не бесился, ехали мы себе, как полагается, по-благородному. Вчера было хорошо, он хоть и не говорил, но думал, а сегодня мчится вперед и не оглянется, не посмотрит, что стало с другими. А ну, Вахрич, догоним-ка князя!».

И погоняя ногами и руками свою несчастную лошадь, Вахрич, задыхаясь, догнал князя. Но ни князь, ни его конь не в состоянии были уже понимать что-либо. Чуть только князь потрепал коня по шее, тот понесся вперед, а услышав за собой еще конский топот, помчался, как вихрь. Гурген, которого Вахрич считал одержимым, стремительно летел вперед, уже не обращая внимания ни на что.

«Вот и мой князь, лучший из лучших людей, – рассуждал измученный и отчаявшийся Вахрич. – Что ему до того, как замучились люди и кони? Взбрело ему что-то на ум, и летит вперед, а остальные, если не догонят, пусть растянутся на дороге... Ладно, пусть мчится, куда хочет, а я поеду, как смогу».

И Вахрич отпустил поводья. Гурген вскоре скрылся с глаз.

²⁴ Лаваш – листовой хлеб из тонко раскатанного теста.

Глава пятая

Княжна Рштуни

Ни холод, ни длинная дорога и короткий день, ни наступившая темнота не помешали Гургену продолжать свой путь вдоль левого берега Ванского озера, то отдаляясь, то приближаясь к нему. Он ехал прямо по узкой протоптанной в снегу тропинке, изредка останавливаясь только для того, чтобы узнать название сел и дать отдышаться коню. И так, не делая нигде привала, доехал он до столицы княжества Рштуни и около полуночи спешился у крепостных ворот. Он нещадно стал стучать в железные ворота, но, судя по гробовому молчанию, царившему в крепости, казалось, ему и из думали открывать. Гурген был не из тех, кто легко приходит в отчаяние. Не для того скакал он четырнадцать часов без передышки в эту стужу, заездив до полусмерти своего Цолака, чтобы возвращаться обратно, когда сердце его трепетало при одной мысли об Эхинз. О, сколько он должен ей рассказать!.. Он поднял такой шум и грохот, так колотил в крепостные ворота, что окрестные крестьяне, выглядывая из домов, думали, что у цитадели стоит целая толпа, и были очень удивлены, увидев только одного человека. Наконец из сторожевой башни раздался чей-то голос:

– Эй, кто ты и чего тебе надо? Кто просит гостеприимства в такую позднюю пору?

– Я, Гурген Арцруни, открой! – крикнули снизу.

– А ну, братцы, несите свет! Это княжеский брат. Живее!

И старый замок ожил, наполнился шумом и движением.

Гургену была безразлична эта суматоха, лишь бы скорей ему открыли.

Когда, наконец, ворота распахнулись, то слуги увидели только одного высокого, статного мужчину, который спокойно и быстро вошел в крепость, ведя в поводу коня. Он поздоровался с ними, приложив руку к груди, и повернул к лестнице, кинув на ходу: «Накормите коня получше – получите вознаграждение». Шагай через несколько ступенек, он поднялся вверх, в оружейные покои, откуда прошел в пустой, холодный зал. Слуга с фонарем в руке следовал за ним.

– Послушай, юноша, – сказал Гурген. – Неужели все спят? Княгиня и княжна у себя? Где же остальные?

– Никого здесь нет, князь, – ответил слуга. – Сейчас придет смотритель крепости, а я здесь недавно и ничего не знаю.

Тем временем Гурген радостно ходил по залу, разглядывая все вокруг. Слуга зажигал светильники, вытирал пыль с диванов и ковров. Другой в это время разжигал в камине огонь.

Вошел смотритель, коренастый мужчина с окладистой бородой, и молча стал в ожидании.

– Братец Хурен! – сказал Гурген, посмотрев на него своим орлиным водкам. – Не узнаешь меня? Разве друзей так скоро забывают?

– Прости меня, князь, – ответил Хурен немного подозрительно. – Мы знаем Гургена Арцруни, брата нашего великого князя Ашота.

– Значит, ты забыл сына князя Апупелча, Гургена, тоже Арцруни, который провел восемь лет у Мушега Рштуни?

– Как я мог забыть? Как могу не помнить тебя, мой княжич? – воскликнул удивленно и радостно Хурен, подойдя к нему. – Но как ты изменился, господи боже! Мальчик стал настоящим богатырем, да хранит тебя святой крест!..

– Довольно, довольно, братец Хурен. Да, я тот мальчик. А теперь скажи мне, нельзя ли дать знать княгине и княжне о моем приезде?

– Князь, разве тебе неизвестно, что княгиня – да упокоит господь ее душу – вот уже полтора года, как скончалась?

– А где же княжна?. – воскликнул князь.

– Княжна? Ты разве не слышал, что она, оставшись безутешной, одинокой и покинутой, волей-неволей должна была выйти замуж за князя Андзевского, Мушега?

– Что ты говоришь, Хурен?.. Когда же это было?

– Я правду говорю, князь. Бедная княжна все твердила: «Оставьте меня в моем отчем доме, я не хочу ни княжить, ни замуж выходить, возьмите все себе, только оставьте меня в покое!» Но никто не обратил на это внимания, все, начиная с великого князя Ашота, стали ее советчицами, а князь Андзевский, не переставая, засылал к ним сватов. Князьям же Арцруни недостаточно было того, что они занимали крепость за крепостью, что брали отовсюду подати, им надо было еще выдать княжну за князя Мушега. А причина крылась в том – мы это уж потом узнали, – что князь Андзевский обещал им, если выдадут за него княжну, оставить великому князю Ашоту все наследство князей Рштуни. Вот к чему были все уговоры. Княжну из крепости не выпускали, следили за ней, чтобы не убежала. Бедная девушка в отчем доме была почетной узницей. Она проводила долгие часы в беседке на скале, устремив глаза на озеро и дорогу, и только с наступлением темноты, безутешная, возвращалась в свои покои. Никого ей не хотелось видеть, она никого не принимала, даже придворного епископа, тоже увещевавшего ее выйти замуж за князя Андзевского. Единственным утешением ее был монах из церкви святого Карапета, который несколько раз в год привозил ей письма. Только эти послания и вызывали радость на ее лице. Но глубокой осенью этого года тот же монах привез ей письмо и уехал. Княжна, получив его, заперлась в своих покоях и не выходила оттуда несколько дней. Когда мы ее увидели дней через пять, плаза ее ввалились и в них затаилась глубокая печаль. Она перестала посещать и горную беседку. Улыбка навсегда сошла с ее лица. Мы, ее старые слуги, не решались подходить к нашей княжне, выросшей на наших руках, всегда такой ласковой с нами. У нее больше не было для нас ни приветливой улыбки, ни ласковых слов.

Прошло не больше месяца, и вот однажды в нашу столицу торжественно въехали все князья Васпуракана во главе с князем Андзевским, и мы были ошеломлены, узнав, что они приехали за нашей княжной.

Княжна вышла из своих покоев под густым покрывалом. Мы все, слуги ее отчего дома, плакали. Служанки на подносах вынесли подарки, предназначенные каждому из нас. Княжна раздала их собственной рукой. Увидев наши слезы, она спокойно и строго сказала нам:

«Не плачьте, поминайте меня в своих молитвах, и да пошлет вам бог счастья». Затем села на коня и уехала. Это были ее последние слова. С тех пор наш замок опустел и наступил конец Рштунских нахараров.

И бедняга тут разрыдался, не в силах смотреть на Гургена, который с искаженным лицом слушал этот ужасный рассказ. Старик не понимал, что каждое его слово острой стрелой ранило сердце несчастного молодого человека.

– Какой же я глупый, князь! Вместо того, чтобы накормить тебя, рассказываю грустные истории.

И Хурен вышел из комнаты, покинув ошеломленного Гургена. Что это, явь или сон? Неужели, если он войдет во внутренние покои, Эхинэ не встретит его? Душевная боль становилась невыносимой. Единственным утешением могло быть только сознание, что Эхинэ любит его и любит всем сердцем. Но что пользы в том? Эхинэ принадлежит сейчас другому, ибо она обманута. Здесь какой-то коварный заговор.

Гурген тяжело вздыхал, то и дело поднося ко лбу руку, у него стучало в висках. Он не видел, как Хурен и слуги накрывали стол и заставляли его яствами. Гурген задыхался. Он вышел из зала через боковую дверь, ведущую на скалу, и стал пригоршнями прикладывать к голове снег. Ему стало немного легче, и когда Хурен пригласил его к столу, князь попросил оставить его одного таким не терпящим возражения голосом, что старик молча повиновался.

Там, на скале, снежный ветер играл его густыми, темными волосами, тяжелые вздохи его терялись в реве бушующего озера. Гурген продолжал прикладывать снег ко лбу, рассуждая сам с собой:

«... Вот что, оказывается, ждало меня, скитальца, после восьмилетней многострадальной жизни!.. Только мысль о встрече с Эхинэ скрашивала ее, и мне казалось, что сегодня начнется для меня новая жизнь. Увы, начнется, но какой она будет мучительной...»

На пороге этой комнаты мечтал я о рае, но ад с его пытками проник в мое сердце и охватил его всепожирающим пламенем...

Эхинэ ведь получила все мои письма и даже последнее... В нем, этом последнем письме, и кроется тайна. Они подменили его... Но что могли они написать ей от моего имени?..

О, род князей Арцруни!.. Будь он проклят, этот род, породивший Меружанов!.. Какая неутолимая жажда власти и наживы!..

... Но ведь и я из рода Арцруни... При чем тут род?..

Как мне быть теперь?.. Неужели сидеть сложа руки? Нет, никогда! Надо мстить, и моя месть должна быть страшной, звериной, кровавой, такой силы, чтобы до основания сотрясти весь Васпуракан!.. Пусть рушатся крепости, пылают города, разоряются села, пусть люди говорят: „Все Арцруни таковы. Они всегда там, где надо разрушать и губить, там, где можно бесчинствовать; и если один из них действует изменой, коварством и клеветой, – другой не брезгует огнем и мечом, ядом и предательством“.

Что это я говорю... Господи! Извлеки из моего сердца эти муки, извлеки из меня дух ненависти и мести! До сего дня мне претило всякое зло, неужели же теперь, когда судьба лишает меня счастья и всякой надежды на благополучие, я опорочу свою совесть!.. Боже упаси! Лучше терпеть несправедливость, чем самому учинять ее. Нет, Гурген, не забывай того, что говорил в юности; пусть твой отец умер от изменнической руки отца Ашота, но ты не изменил никому, не стал братоубийцей. Пусть у тебя отняли твое наследство, твои вотчины, ты не захватишь чужого состояния... Но что сделал со мной его сын!.. Лучше бы он убил меня, чем нанес такой удар, разбив мне сердце и отняв мою Эхинэ!.. Нет, нет, слезы Эхинэ, страдания Эхинэ для меня горше всего. Но она осталась мне верна. Ведь неизвестно, что было написано в письме. Ей, несомненно, сказали, что Гурген умер... Несчастливая Эхинэ!.. Она оберегла память обо мне в своем сердце, и чтобы только избавиться от насилия князей Арцруни, отдала им все свое состояние, вышла за князя Андзевского и навсегда похоронила себя в горах его княжества».

Так, говоря сам с собой и тяжело вздыхая, провел Гурген на берегу озера долгие часы. Ему стало немного легче, но отравленная стрела глубоко сидела в его сердце.

В это же время в одной из комнат нижнего этажа Хурен беседовал с женой, сыновьями и невестками, которые с нетерпением ждали его рассказа. Жена Хурена, как старшая в доме, расспрашивала мужа:

– Что, Хурен, разве этот князь Гурген не брат князя Ашота Арцруни? Кто же он тогда? Говорят, когда ему открывали ворота, он назвался Арцруни. Красивый, статный мужчина приездный князь.

– Нет, Седа, князь, хоть он и Арцруни, но это внучатый племянник князя Ашота, дед которого убил его отца, князя Апупелча, чтобы овладеть его состоянием. Тогда наш князь Ашот Рштуни – да упокоит бог его душу, – человек умный и уважаемый, взял к себе сироту, десятилетнего сына князя Апупелча, Гургена, и воспитал его, как родного. Наша княжна и он росли и играли вместе, как брат с сестрой. Я не раз брал их кататься верхом или на лодке по озеру. Наша княгиня после смерти князя, несмотря на протесты князей Арцруни, пожелавших взять Гургена, не отдала им мальчика. Княгиня была умной женщиной. «Отца убили мечом, теперь отдать им сына, чтобы отравили ядом? – говорила она. – Нет, пока в доме князей Рштуни есть кусок хлеба, я этого мальчика буду растить, как сына. Князь перед смертью

поручил его мне, и воля его для меня священна». Так семь лет он прожил в этом доме, как брат княжны, и мне казалось, что их хорошо бы поженить, но юный князь уехал в Грецию. И вот теперь неожиданно вернулся. Очень горячий молодой человек. Не знаю, что с ним стало, то ли голова разболелась у него в тепле, не пойму, но вот вышел в этот мороз на пригорок и ходит там взад и вперед. Велел оставить одного...

– Если так, то лучше тебе пойти наверх, он ведь может позвать тебя.

– Я оставил там Григора. Когда князь вернется в комнаты, меня позовут.

Так больше часа беседовали муж с женой, но Григор не показывался. Тогда Хурен поднялся наверх и увидел Гургена, ужинавшего вместе с Григором. Старик сердито подошел к Григору.

– Оставь, братец Хурен, это я велел юноше сесть за стол, – сказал Гурген и, потянув за рукав старика, посадил его по другую свою сторону.

Гурген сам удивлялся, как мог он есть после стольких волнений, но могучий организм его нуждался в подкреплении. За ужином он думал о том, что ему предстоит еще много одиноких ночей и тяжелых дум. Еда не доставляла ему удовольствия и, быстро насытившись, Гурген встал из-за стола.

– Что, князя Арцруни часто навещают свое новое поместье? – спросил он у Хурена.

– После отъезда княжны прошло вот уже четыре месяца, и пока никто из них не показывался. Мне поручили охрану крепости. Сегодня я впервые открыл двери этих покоев и затопил камин.

– Значит, и ключи от спален у тебя?

– Ты, князь, верно, хочешь отдохнуть, – сказал Хурен и, достав связку ключей, прошел вперед.

– Братец Хурен, – сказал князь, – ты знаешь, когда я был мальчиком и жил у князей Рштуни, в замке у меня была своя комната. Нельзя ли мне переночевать в ней?

– Как пожелаешь, князь. Но после твоего отъезда княжна взяла ее себе, а с того дня, как она уехала, нам так тяжело, что мы и не входили туда.

– Нет беды, братец Хурен, воспоминания детства у нас с ней общие. Так пойдем же туда и еще раз вспомним те счастливые дни.

Хурен со светильником в руке прошел вперед. При входе в комнату внимательный взгляд заметил бы сразу, что здесь чувствовалась женская рука. Повсюду ковры, диваны, дорогие ткани, сундуки, ларцы. Все здесь дышало уютом и ласкало глаз.

– Так я пойду за постелью, князь, – сказал Хурен.

– Нет надобности, – решительно сказал Гурген.

Хурен окинул взглядом постель княжны и высокую фигуру князя, сравнил их мысленно и покачал головой. Он поставил на стол два светильника и кувшин с водой, пожелал князю доброй ночи и оставил его в печальной радости от мысли, что он должен провести ночь в комнате Эхинэ.

И мы покинем князя в этой комнате с его противоречивыми, горькими думами, где мешалось все – любовь и ненависть, месть и прощение, презрение и сладкие воспоминания детства. Мешалось и боролось, как бушующее море, пока, наконец, всемогущая природа не взяла свое, и Гурген уснул глубоким сном.

Глава шестая

Крестьянин

Мы оставили в дороге наших путников, которые вскоре, следуя примеру Гургена, погнали коней и скрылись из виду. Вахрич остался один и, испугавшись, что его навьюченный конь совсем застрянет, спешился и медленно пошел дальше, ведя лошадь в поводу. Уже затемно он перешел реку Туха и правым берегом озера дошел до села Харзит. Продрогший, усталый, мучимый жаждой, ибо бурдюк с вином Святого Карапета совсем опустел, он продолжал идти, рассуждая сам с собой: «Если князя не окажется здесь, тем лучше. Он, верно, уже отдыхает. Кто не захочет служить у князя Арцруни, да еще у такого князя, который ласков и слаще меда, когда доволен тобой, и гневен, как огонь небесный, когда недоволен? Пожалуй, и я сегодня заслужил свой отдых. Переночую в этом селе, слава богу, кумовьев у меня тут хватит. Пойдем же поищем себе пристанища, а может, и князь отдыхает уже здесь...»

Когда Вахрич вошел в село, собаки с лаем набросились на него. Он остановился и постоял немного, раздумывая, куда бы пойти, где его лучше примут, и, наконец, направился к куму Геворку.

Не успел Вахрич дотронуться до двери, как она сама открылась но, к его удивлению, в доме никого не оказалось. «Ну, окажем, кум Геворк уехал или умер, – подумал он, – а жена, дети? Неужели все умерли?» Тогда Вахрич решил пойти к своему старому приятелю Карапету. Тут ему пришлось долго стучать, пока кто-то подошел и, недовольно бурча под нос, открыл дверь.

– Добрый вечер, братец, – сказал Вахрич.

– Да благословит тебя бог, добро пожаловать! – ответил хозяин и приказал домашним: – Ребята, несите свет и разожгите очаг.

Когда принесли свет, старые друзья узнали друг друга и крепко обнялись.

– Братец, что же ты не назвал себя? – спросил Карапет.

– Не назвал, чтобы проверить, сохранилось ли еще армянское гостеприимство. Слава богу, вижу, что все по-старому. Верно, хозяин дома что-то бормочет за дверью, но все же говорит гостю: «Добро пожаловать». Да здравствует Армения и армяне! Да, братец ты мой, за Евфратом и Чорохом с деньгами в кармане и то негде преклонить головы... А на нашей благословенной земле в полночь тебе и дверь откроют, а если понадобится, то в буран опустятся из села в ущелье и вытащат тебя из-под снега. Помоги, боже, армянам!

– Да услышит тебя господь, братец. Но вот уже сколько времени, как он наказывает нас за грехи наши. Ты был на чужбине много лет и не знаешь, чего мы натерпелись от этих нечестивых арабов. Мы про греков и персов уже и думать забыли. Всюду, куда ни ступит араб, сплошная гибель.

– Как не знать этих неверных? Позавчера в Муше я сам нескольких зарезал, как кур.

– Да не убавит бог тебе такой работы. Ребята, спустите поклажу, отведите лошадь в конюшню!

– Скажи-ка, друг Карапет, не видел ли часом, не проехали ли через село князя?

– Мы, братец ты мой, князей здесь не видали.

– Сегодня в полдень проехал через село высокий, величественный молодой князь, – сказал сын Карапета. – Постоял немного у церкви, собрался было спешиться, да, видно, раздумал, выпрямился и погнал коня. Конь был белый, в яблоках, хороший конь.

– Это князь Гурген, теперь он, должно быть, в Мохраберде.

– Что ты говоришь, братец, возможно ли это?

– Гурген и невозможное делает возможным. Вы бы видели его при дворе греческого императора, как все его там любили. Наши армяне пользуются большим почетом в греческих войсках. Двадцать лет тому назад греческий император был из рода князей Арцруни, а спарапетом²⁵ при нем – князь Мамиконян. Мы в Тортуме узнали о смерти спарапета. Вот умный и храбрый был человек!

Между тем очаг разгорелся и осветил комнату. Вахрич, произнеся: «Слава тебе, господи!», растянулся у огня. Хозяин дома приказал сыновьям принести еды, достать вина, накормить лошадь.

– А теперь, братец, расскажи, – сказал Вахрич, – где протоиерей Саак, жив или умер где вся наша родня? Вижу, ты что-то грустный. Где кум Петрос, кум Геворк, живы, здоровы?

Вахрич тут схитрил, не назвав первым кума Геворка, – Карапет не должен был знать, что сначала он стучался к Геворку.

– Что ты, Вахрич, неужели тебе неизвестно, что мы перенесли за эти годы? Господь отвернулся от нас. Бессовестные арабы разоряют страну, грабят, режут, убивают, уводят в плен наш народ. Бедный Геворк распродал все, что имел, и уехал в Багдад, чтобы вызволить из плена жену и двадцатилетнего сына, если только они еще живы. Половина села разорена, мы сами не знаем, что будет с нами весной. Удивительно еще, как ты жив-здоров добрался до нас, вы же едете из греческих земель. Я удивляюсь, как вы проехали через Тарой, а мы слышали, что арабы перебили там всех. О тебе ведь тоже слуха не было. Я два раза был в Моксе, мне сказали, что ты на чужбине. Поужинай теперь и расскажи, где ты был, что видел. Каков твой князь Гурген, поможет ли он нашим горестям или сам станет для нас напастью?

Гость и хозяйева поужинали, выпили вина, а когда отдохнули, Вахрич начал свой рассказ о том, как он в Моксе убил несколько курдов и, испугавшись мести их родичей, почел за лучшее уехать в Спер и как он в пути встретился с Гургеном. Увидев неопытного знатного юношу, который ехал искать счастья по свету, Вахрич решил, что имеет дело с наивным мальчиком и что хорошо бы поступить к нему на службу. Сам человек зрелый и плутоватый, Вахрич прикинул в уме и нашел для себя эту службу подходящей.

– Я человек беглый, – продолжал Вахрич, – думал поступить на княжескую службу, а видя меня с этим семнадцатилетним юношей, решил я, меня будут принимать за его воспитателя. Когда он начнет заниматься делами и разбогатеет, полагал я, то, естественно, я буду его казначеем и стану богаче чем он. В-третьих, я уже опытный воин, убивший на своем веку не одного курда, хорошо владеющий оружием, ясно, и им буду повелевать, ибо этот юный князь, конечно, будет робеть.

Достигнув границ Тарона, я попросил князя взять меня к себе на службу. Он рассмешил меня своими простыми и наивными вопросами, согласился принять, но сказал, что никогда не простит мне лжи. Я с трудом удержался от смеха, ведь я был уже зрелым тридцатилетним мужчиной. «Очень хорошо», – ответил я, согласившись с ним. Через три дня мы заночевали в деревне на берегу Евфрата. Утром, когда мы собрались уезжать, к моему князю подошел крестьянин и пожаловался, что я накануне хотел силой обнять и поцеловать молодую девушку и только ее крики заставили меня отпустить. Сказал, что я наговорил грубостей пожилым женщинам, защищавшим красотку. Князь спокойно спросил меня, правда ли это. Я, посмеиваясь, признался в своем поступке. Мог ли я бояться этого мальчика? Тогда князь обратился к крестьянину: «Отец, ты видишь, что мой слуга признался в своем проступке?. Будь спокоен, больше этого не повторится».

Мы вскочили на коней и выехали из села. Когда мы переехали Евфрат и под вечер уже подъезжали к селу, где должны были переночевать у родника, князь спрыгнул с коня, велел и мне спешиться и привязать коня к дереву. То же сделал и он сам, Я не понимал, что он

²⁵ Спарапет – полководец, верховный главнокомандующий.

хочет сделать, когда он спокойно сказал: «Ты сегодня утром признался в своем непристойном поступке. А так как я обещал, что этого больше не повторится, я должен наказать тебя». Не успел я расхохотаться, как он, взяв меня левой рукой за шею и стиснув ее, как железом, швырнул меня оземь. Наступив коленом мне на спину, он так высек меня своей плетью, что я, не в силах двинуться, стал умолять отпустить меня. Но он нещадно продолжал бить, пока я, как ребенок, не промолвил: «больше не буду». Он сейчас же отпустил меня и спокойно, словно ничего не произошло, сказал: «Ты тогда же должен был дать мне слово больше этого не делать. Я бы тебя так легко не отпустил, но вспомнил, что ты не забыл моего первого наказа и не солгал, а признался в своем проступке. Так впредь берегись». Я хотел было подняться, но спина моя, на которую он наступил коленом, онемела, я не мог повернуть головы. Кое-как, избитый и пристыженный, я поднялся с земли. А суровый князь, которого я четверть часа тому назад считал юнцом и высмеивал, вскочил на коня и ускакал. Тогда у родника я стал раздумывать – не уйти ли мне со службы от этого горячего юноши?.. В село входить мне не хотелось, но надо было подлечиться, и я прошел вместо четверти часа целый час, пока с трудом не добрался до первого дома и не попросил ночлега. Наши крестьяне – народ добрый. Когда они увидели, в каком я состоянии, и узнали, что меня избили, сейчас же позвали ко мне старуху-лекарку. О, снадобье этой старухи было ужаснее порки!.. Не в силах терпеть, я громко мычал, как бык. Вдруг над головой раздался знакомый голос: «Вахрич, не стыдно тебе реветь, как мальчишке?» Это был мой князь. Мне, и верно, стало совестно. А старушка, безжалостная и спокойная, как лекарь, говорила: «Ты хотел скорее поправиться, и я приготовила сильное снадобье. Утром сядешь на коня и уедешь. Не бойся, все пройдет». Я лежал на животе. Когда меня стали угощать ужином, я не смог глотать. Опять позвали старуху. Она пришла, осмотрела мне шею и сказала: «Видать, три человека били его. Один держал голову, другой наступил на спину, а третий порол. Ничего, и это пройдет». Она смазала мне шею своим снадобьем. Охая и вздыхая, я, наконец, уснул, а утром проснулся здоровехонек. Лежу себе и думаю: «Этот князь со своей невероятной силой далеко пойдет, а если он станет великим человеком, часть его величия тогда, естественно, перепадет и мне. Будь умен, Вахрич, не расставайся с ним, не говори ему неправды. Какое счастье, что я не солгал тогда, иначе он избил бы меня насмерть. Но преступление ли поцеловать девушку? Сегодня же в пути я осмелею и попрошу его сказать, сколько есть на свете преступлений. Кто мог подумать, что этот нежный, как девушка, юнец, обладает такой чудовищной силой? Только Гайк²⁶ был такой сильный, да еще царь Трдат. А этот юноша, когда ему будет лет двадцать, горы может сдвинуть. Нет, я не расстанусь с ним, а если еще раз меня бес попутает, скажу: „больше не буду, пощади“, – и он простит».

Встал я с места, вижу – могу двигаться, возблагодарил господу бога, поцеловал старухе руку (за этот поцелуй мне порка не угрожала) и выехал из села.

С того дня прошло вот уже восемь лет, но я ни разу больше не слышал от князя сурового слова и не видел порки. Но зная его характер, я уже не перечу ему. Он мне рассказывал потом, как он служил в войсках Манвела Мамиконяна, как, возглавив небольшой полк, храбро воевал, как за это греческий император даровал ему область Тортум и много денег, как спарапет Манвел хотел оставить его при себе и отдать ему в жены одну из своих дочерей, но Гурген отказался. Всем казалось, что спарапет не простит этого, но он до самой своей смерти продолжал любить князя.

Вахрич рассказал, как он с князем ездил в Тортум, где князь перестроил заново прекрасный замок у самого озера и дачу рядом с водопадом.

– Он хоть и молчит, но, видимо, обручен с какой-то княжной, и любимая его где-то здесь близко, так как сегодня он умчался, как одержимый, и мгновенно исчез с глаз. Кто знает, может, и коня своего заездил теперь совсем...

²⁶ Гайк – легендарный прародитель армян, великан, убивший в единоборстве вавилонского тирана Бэла.

– Князьям, нахарарам, епископам легко живется. Лучше, братец ты мой, поговорим о народе, которому приходится работать и на князя, и на попа, и на разбойника. Скажи лучше, выгодно ли работать тебе у князя?

– Бог свидетель, что я от своего князя видел много добра. Он заботился о моей семье, писал ей, передавал мне ответы, смотрел за мной, когда я болел. Да он обо всех своих слугах заботится, не только обо мне.

– Этот князь из рода Арцруни?

– Да.

– Так зачем же он покидает Армению? Нам нужен такой храбрец. Он бы нас защищал от врагов и разбойников, а таких, как ты, негодников, ставил бы на путь истинный.

– Правильно говоришь, братец Карапет. Очень правильно. А кто сейчас ваш князь?

– Ашот Арцруни. Человек неплохой, но что он может сделать? Страну защитить он не в силах. Когда врагов мало, князья идут на них, разгоняют, а когда вражьи войска много, все укрываются в своих крепостях и замках и спокойно смотрят, как эти нечестивцы убивают, грабят и уводят в плен народ, жгут города и села. Когда же враг уходит, они спокойно выходят из своих замков, начинают уговаривать народ снова сеять, жать и строить себе жилища. Вот какова наша судьба. Совсем недавно проклятые арабы снова разорили нашу страну. А что сделал князь Ашот? Укрепился в своей крепости, послал арабам заложников, богатые дары и сам себя освободил, правдам и нас вместе с собой, но было уже поздно – потери у народа большие.

– Вот сасунцы, брат Карапет, – это настоящие люди! То, что не смогли сделать нахарары, князья, все эти Арцруни и Багратуни, сделали они. В Таране сейчас не осталось ни одного араба.

– Что ты говоришь!.. Еще двух недель нет, как они были здесь по пути из Тарона. Мы и сами приготовились дать им отпор. Умирать – так умирать, хоть за дело. И вдруг слышим, что они исчезли. Эти нечестивцы все время появляются то тут, то там. Надо их как следует разбить, чтобы им неповадно было.

– Если бы так, то им хватило бы и последнего удара сасунцев три дня тому назад. Ни одного араба не осталось в Муше: востикан, военачальники, конники, пешие – все перебиты.

– Ты что, братец Вахрич, бредишь?

– Какой там бред? Святой Карапет свидетель, что никого не осталось.

– Откуда ты знаешь? Кто тебе рассказал?

– Я сам был там с ними. Я же тебе сказал, что вот этой рукой перерезал несколько человек. Ты, видно, плохо слышишь.

И Вахрич принялся подробно рассказывать. Вся семья Карапета, окружив его, слушала затаив дыхание. Когда же они узнали о разгроме врага, о смерти востикана, то радости крестьян не было конца.

Карапет отправил сыновей за священником, соседями, за кумовьями и сватами, и вскоре, несмотря на сильный снег, комната наполнилась народом. Вахрич еще раз повторил свой рассказ о подвигах сасунцев, обильно разукрашивая его все новыми и новыми подробностями. Все пришли в восторг, на столе снова появилось вино, певец взял в руки свою трехструнную нехитрую лютню и воспел храбрых сасунцев. Веселье продолжалось до глубокой ночи.

Молодежь, выйдя на улицу, расходилась по домам, говоря между собой: «Братья! Почему бы и нам, как сасунцам, не пойти на врага? Не будем же мы в час опасности прятаться, как куры. До каких пор нам срамить имя армян?..»

В это время Вахрич, утомленный за день, уже громко храпел в тихой комнате Карапета.

Утром он вскочил на коня и, расспрашивая по пути, где его князь, к вечеру добрался до столицы княжества Рштуни. Каково же было его изумление, когда он узнал, что князь, не отдав ему никаких приказаний, уже покинул границы княжества. Тогда он повернул коня к Моксу.

«Поеду-ка в Мокс²⁷, проведаю жену и детей», – решил Вахрич. И действительно, в Моксе все было тихо и спокойно, ибо область эта вкушала покой под покровительством спарапета Смбата Багратуни.

²⁷ Мокс – область в исторической Армении, находится к югу от озера Ван.

Глава седьмая

Княгиня Рипсимэ

На северо-западе озера Бзиунян²⁸ находился Беркри – главный город провинции Арбе-руни. В описываемое нами время он был красивым городом с сильной крепостью на холме.

Крепость эта была местом жительства князей Арцруни, владельцев обширной области Тарон, которая, благодаря их усилиям, все время расширялась за счет поместий мелких нахараров. Если тогда и не было слова дипломатия, то явление это существовало давно, и князь Арцруни с пеленок знали, как им поступить, чтобы захватить наследие своих соседей и постепенно сосредоточить всю мощь в одних руках. И чем больше в Армении росла нищета, тем сильнее становился дух сластолюбия в душе князей Арцруни. Кто обратится к истории, тот увидит, что Армения в те времена уже начала делиться на три больших нахарарства²⁹ князей Багратуни, Арцруни и Сюни. Мамиконяны существовали только по имени. В Васпуракане же мы видели, до чего дошел род Рштуни. Князья: Аматуни, Интруни, Гнуни, Каджберуни, Авнуни, Вехевуни, Андзеваци – стали данниками великого нахарара Ашота Арцруни, дерзкого, тщеславного молодого князя. Его мать, великая княгиня Рипсимэ, славившаяся умом, скромностью, благочестием и ученостью, была сестрой великих князей Смбата и Багарата Багратуни. С того дня, как ее родные находились в плену у арабов в Багдаде, княгиня была очень грустна и в тревожном настроении, ибо, не говоря о том, что ее брат находился в темнице, она боялась, что его заставят отречься от своей веры. Поэтому она послала одного из верных ей князей, Хосрова Акейского, умного и искусного человека, с письмом в Багдад узнать о положении и, если возможно, помочь их освобождению. Сидя у себя в замке Беркри, княгиня в большой тревоге с нетерпением ждала приезда Хосрова, который вот уже три месяца отсутствовал.

Княгиня Рипсимэ никогда не терялась в минуты опасности и, когда другие не владели собой, она умела взвешивать и сопоставлять обстоятельства и сообразно с этим давать советы. Ее покойный супруг, князь Арцруни, а теперь и сын Ашот, когда им приходилось следовать ее мудрым советам, никогда не ошибались. Будучи родственницей Багратуни и Арцруни, она всегда укрепляла их отношения. Сокровенным ее желанием было вовлечь в союз еще двух могущественных сюнийских князей и, возможно, ее усилия прошли бы даром, если бы не нашествие арабов. Это она, великая княгиня, когда все князья, придя в отчаяние от арабского нашествия, укрылись в своих крепостях, ездила с дарами к востикану Юсуфу и сумела поми-рять его со своим сыном Ашотом.

Она сидела погруженная в думы о брате, когда доложили, что приехал князь Хосров Акейский и просит приема. Она сейчас же велела впустить его, и не успел в дверях показаться Хосров, как лицо княгини просветлело.

– Добро пожаловать, князь Хосров, вижу по лицу, что ты виделся с Багаратом, – сказала княгиня.

– Да, княгиня, видел и говорил с князем, и, возможно, со временем гнев верховного эмира смягчится, ибо в стране много недовольных. Я был там, когда открыли заговор. Много убитых, в областях начались мятежи и волнения. Если мы, данники-христиане будем вести себя разумно, в Аравии начнется междоусобная война. Если же мы сейчас восстанем и разгневаем их, разожжем фанатизм, то они выльют на нас всю свою ярость.

²⁸ Озеро Ван.

²⁹ Нахарарство – крупное княжество. В IX–X вв. в Армении по мере освобождения страны от арабов постепенно сложилось три крупных феодальных государства – Васпураканское царство во главе с родом Арцруни, Карское или Анийское царство во главе с Багратидами (Багратуни) и Сюник – во главе с родом Сюни.

– Я всегда советовала не раздражать этих нечестивцев, быть рассудительнее, стараться объединить всех наших князей, а с другой стороны, умело управлять страной и развивать ее мощь. Но разве нашим что-нибудь втолкуешь?.. «Верно говоришь, мать, умно рассуждаешь», – твердят мне мои сыновья, а сами заняты только беспутством и развлечениями. Ни один из моих советов не выполняется.

– Все, что ты говоришь, княгиня, верно. Князь Багарат, при всей своей заносчивости, сам признался: «Этого бедствия со мной не произошло бы, если бы я послушался двух людей. Бог создал в Армении только две умные головы: одна из них женская, другая – голова простого горца».

– Кто же этот горец? – сверкнула глазами княгиня.

– Овнан из Сасуна.

– Овнан?

– Откуда ты знаешь Овнана, княгиня? Это имя я впервые услышал от князя.

– Как мне не знать его? Вот одна из тысячи глупостей наших владетельных князей. Они презирают простых людей из народа, считают их ничтожеством, не используют их ум, храбрость и способности. Много раз я говорила своим братьям и сыновьям, что надо брать пример с арабов и греков, которые не пренебрегают духовной и телесной силой простых воинов и даже чужеземцев. Они вознаграждают их и дают им высокие звания. А наши армяне считают позорным смотреть на простых людей не только как на равных, но даже как на людей. Они считают своим долгом унижать, уничтожать простых людей, выдающих ум и способности. Глупцы, они не видят, что, если армянская церковь, подвергаясь стольким гонениям как от внутренних, так и от внешних врагов, остается нерушимой, то только потому, что всех без различия – бедного аназата, шинакана³⁰ – принимает в свое лоно, учит, воспитывает, растит и даже сажает на патриарший престол.

– Если ты хорошо знаешь этого Овнана, княгиня, то, очевидно, он чем-то примечателен.

– Если посмотреть на его одежду, на происхождение, на его состояние, то он ничтожный из ничтожных, а если взять его как умного и храброго человека, то скажу перед всем Васпураканом, что вряд ли найдется в Армении десяток таких, как он.

– Но откуда ты, княгиня Арцруни, так хорошо знаешь этого простого поселянина? Признаться, это меня удивляет.

– Когда я с ним познакомилась, я была не княгиней Арцруни, а княжной Багратуни. Я видела этого юношу во дворце своего дяди, в Тароне. Он был товарищем юных княжичей, играл с ними, проводил с ними досуг и не раз выходил победителем в физических упражнениях и соревнованиях. Его ум отмечал и монах, который был учителем и писцом при дворе моего дяди. Овнану было лет шестнадцать, когда к нему за советом и за сведениями уже обращались все. В те дни, когда монах болел, писцом у дяди служил Овнан. С тайными поручениями тоже всегда отправляли его. Мои двоюродные братья предавались безделью и развлечениям, и Овнану не раз удавалось наставлять их на путь истинный. Но однажды Овнан неожиданно исчез из замка, и имя его перестало произноситься. Если бы исчез только он один, это не было бы так удивительно. Но из замка исчезла и самая умная из дочерей князя, любимица родителей Васкануш. Ее заточили в один из дальних монастырей на границе Греции. Все, кроме меня, были удивлены этим событием. Одна я знала, что княжна Багратуни и Овнан любили друг друга, и несколько раз присутствовала при их ночных свиданиях в цветнике. При мысли о последствиях этой любви я приходила в ужас и не раз уговаривала Васкануш расстаться с ним и забыть этого неукротимого, как лев, юношу, который с ней был покорнее ягненка. Княжна соглашалась со мной, но расстаться с любимым ей было очень трудно. Поэтому, узнав об их разлуке, я очень опечалилась, особенно, когда по приглашению дяди поехала к нему и увидела,

³⁰ Шинакан – крестьянин, смерд.

как он постарел и изменился, словно он вместе с дочерью наказал и себя. Бедный князь, он любил меня, как дочь, потому что я была похожа на нее и любима ею. Но он согласен был страдать и мучиться, готов был умереть, только чтобы не уронить чести своего знатного рода. Через несколько дней он повел меня в сад, где встречалась княжна со своим любимым. Там этот суровый, непреклонный человек вдруг ослаб и горько заплакал: «Рипсимэ, я несчастен, плачь обо мне»... Я тут же решила попросить его простить мою подругу. Тогда этот старый, немощный человек разъярился, как зверь, и, сверкнув на меня глазами, воскликнул: «Молчи! Только смерть может избавить их от заточения! Решение мое бесповоротно!..»

Я вернулась домой с разбитым сердцем и глубоко опечаленная. Дядя мой со дня на день слабел, но прожил столько, что, когда после его смерти братья предложили ей вернуться домой, Вaskanуш ответила: «Я очень счастлива в своей тихой обители, где нет ни знатных, ни простых и где все люди равны перед богом».

Княгиня умолкла. Но Хосров не сдержал любопытства и спросил:

– Что стало тогда с Овнаном?

– Такого железного человека можно было только убить, но осудить его на пожизненное тюремное заключение было явной глупостью. Мой дядя велел заточить его в один из ширакских³¹ монастырей, но когда через два года он решил убедиться воочию, исполняется ли в точности его приказ, и поехал в этот монастырь, то нашел узника недостаточно смирившимся. Тогда его бросили в монастырское подземелье, откуда веяло могильной сыростью. Единственным преступлением этого юноши была любовь к прекрасной девушке, чье высокое положение и разницу между ними не смог учесть бедный горец. Но, очевидно, бог любит изредка посмеяться над нашей глупостью. Это сырое подземелье оказалось началом подземного хода, и Овнан в ту же ночь вышел через него на свободу. А князь Багратуни, полный гнева и мести, переехал в Таран и через несколько лет умер.

Овнан, как мне сказали вскоре, вернулся в Сасун и спокойно жил в горах в своем родном селе. Позднее я встречала его в доме своего брата, князя Багарата, который часто приглашал его к себе. Сасунцы обращались к своему князю только через Овнана и от него же узнавали повеления князя. Это означало, что тот, кто хотел владеть Сасуном, должен был иметь дело с Овнаном.

– А ты, Хосров, не привез мне письма от брата?

– Нет, княгиня, это было невозможно. Князь содержался в большой строгости. Я застал его еще закованным в цепи. Потом уже стало немного легче. Князя перевели в другую тюрьму, разрешили изредка встречаться с семьей и перестали преследовать его угрозами, заставляя отречься от христианской веры. Вот тогда-то я и смог подsunуть деньги тюремщику и проникнуть к князю. Он был весел и надеялся вскоре освободиться. Он поручил мне, княгиня, просить тебя убедить князей не ссориться, жить в мире, чтобы не препятствовать рождению смуты среди нечестивых захватчиков.

– Это мое сокровенное желание. И я всегда убеждала в этом Ашота. Пойди, князь, отдохни с дороги. А потом, не теряя времени, поедешь в Мокс, к моему брату спарапету Смбату и расскажешь ему о своей встрече с Багаратом.

– Твой приказ для меня закон, – сказал Хосров, – поцеловал княгине руку и только дошел до двери, как остановился пораженный и попятился назад.

– Что такое, Хосров? Почему ты возвращаешься? – спросила княгиня, поднявшись с места.

– Смотри, княгиня, смотри, – сказал Хосров.

³¹ Ширак – область в северной Армении, часть ее ныне находится в пределах Турции; в X–XI вв. входил в состав Анийского царства Багратидов.

Княгиня сама поразилась, увидев входящих в зал одного за другим князей-заложников, которые шли выразить свое почтение великой княгине.

– Что это? Что это за возвращение? – спросила гневно княгиня. – Вот как вы нас подводите! Вы не понимаете, что ваше бегство повредит нам, а не востикану?

– Но... княгиня, востикан приказал долго жить. И сам он, и все его войско перебиты.

– Что вы говорите? Кто же сделал такую глупость?

– Сасунцы.

– Сасунцы?

– Да, сасунцы во главе с Овнаном вступили в Муш и перебили всех арабов. Востикана Юсуфа убили, нас освободили, а сами пошли на арабов, захвативших монастырь Святош Карапета.

– Кроме Овнана, никто не командовал сасунцами?

– Князь Гурген все время был с ним, но он не командовал.

– Гурген Арцруни? Мой сын? И он сделал эту глупость!..

– Нет, княгиня, это был не наш князь Гурген, Это был другой Гурген, мы его не знали, но он тоже Арцруни.

Пока юные князья наперебой рассказывали об этом, княгиня, побледневшая от волнения, усталая, опустилась на скамью, повторяя вслух: «Боже мой, что это за сумятица, что за непорядок!..» Наконец она обратилась к одному из юных заложников:

– Князь Григор, подойди и говори только ты. Ты не смог узнать, кто этот Гурген Арцруни?

– Да, княгиня, – ответил юный князь, – я расспросил его слугу и узнал, что его господин только что вернулся из Греции, что со стороны матери он из рода Мамиконянов, что греческий император очень любил его, хотел подарить ему землю и даже предлагал ему в жены свою дочь, но князь Гурген не согласился и вернулся на родину. Князь – красивый, высокий, черноглазый и темноволосый мужчина лет тридцати.

– Ты не узнал имени его отца?

– Да, княгиня, отца его звали Апупелчем.

– Нам только этого не хватало! – воскликнула княгиня, обернувшись к Хосрову. – Этот князь Гурген имел с собой войско?

– Нет, княгиня, только двух телохранителей и слугу.

– И сасунцы слушались его?

– Он не вмешивался в военные действия, княгиня, и даже ни с кем не говорил, кроме Овнана. Он только день был с нами в пути и почти не разговаривал. А на второй день пожелал нам доброго утра и повернул в сторону. Мы думали, что снова встретимся с ним, но он исчез.

– Хорошо, дети мои, подите отдохните, – сказала княгиня. Когда все юные князья вышли, она обратилась к Хосрову:

– Что же теперь делать, князь? То, чего мы больше всего боялись, свершилось. Чем все это кончится, одному богу известно. Разве это не кара божья, появление в такую минуту сына Апупелча? А ведь как я умоляла князя пощадить жизнь этого человека, своего кровного родственника... Но разве слово женщины значит что-нибудь для них?.. Он безжалостно пролил кровь несчастного князя Апупелча, а мой сын Ашот после смерти отца завершил это преступление, отняв у сына все его наследство... Я сейчас совсем растерялась. Не станет ли этот Гурген орудием в руках арабов, не изменит ли нам, ведь он вырос среди войн? Нам не хватало только праведного предателя и честного изменника, слава богу, и он явился.

– Что ты говоришь, княгиня? Ведь в молодом князе течет кровь Арцруни, он никогда не совершит такого бесчестья!

– Как ты наивно рассуждаешь, Хосров! Твои слова напомнили мне былые времена. Ты забыл современника Нерсеса Великого³², изменника и предателя Меружана, который окопел от руки князя Багратуни, увенчанный венцом из раскаленного железа? Или вероотступника и изменника Шаваспа Арцруни, пронзенного мечом Вардана Великого?³³ Или почти вашего современника, третьего Меружана, принявшего веру Магомета? Я имею право бояться рода Арцруни. У них нет середины, они или очень хорошие люди, или отъявленные негодяи.

Проговорив эти слова, княгиня Рипсимэ, поднялась с места. Несмотря на то, что ей было больше пятидесяти, она все еще была хороша и внушала уважение своей статной фигурой и живым, благородным лицом.

Хосров ничего не ответил ей. Наступило долгое молчание, пока княгиня, словно очнувшись, не прервала его.

– Хосров, пойдешь отдохнуть. Если понадобится, я позову тебя.

Когда Хосров вышел из комнаты, княгиня прошла в свою молельню. В этом доме, возможно, только эта женщина и предвидела наступающую бурю, а так как она не надеялась на людей и вправду была сомневаться в них, то бросилась на колени перед богом, чтобы оплакать ожидаемую гибель своей страны.

В это время князь Ашот со своими братьями Григором и Гургеном были заняты развлечениями. Узнав о случившемся и увидев освобожденных из плена заложников, они не только не взволновались, как их мать, а предалась еще большему веселью. На появление же князя Гургена, сына Апуелча, они не обратили никакого внимания. Они видели его мальчиком и сейчас не принимали его всерьез.

Но какая разница между нахарарами, владельцами этой страны, и бедным Овнаном! Простой горец в это время, собрав своих собратьев-крестьян, учил их воевать захваченным у арабов оружием. Он укреплял горные села, собирал запасы продовольствия и оружия, имеющиеся в Муше, и делал все это, не повелевая, как князя, не силой, а действовал на них своим добрым примером, своим же трудом.

³² Нерсес Партэв – армянский католикос (353–373 гг.).

³³ Вардан Мамиконян – армянский полководец, вождь национально-освободительной борьбы армян против персидского владычества. Пал смертью героя в Аварайрской битве 451 г.

Глава восьмая

Крепость Кангуар

В то время, как княгиня Рипсимэ в замке Беркри изливала свою наболевшую душу перед богом, князь Ашот проводил время в развлечениях и пиршествах, Овнан продолжал укреплять родные горы, Вахрич наслаждался покоем в своей семье, – вдоль подножья горы Вараг, по направлению к городу Хою³⁴, ехал задумчивый всадник, закутанный в серый плащ. Несмотря на то, что перед ним не было ни церкви, ни алтаря, а небо было покрыто тучами, он время от времени поднимал голову и тяжело вздыхал уверенный, что его никто не слышит.

Это был князь Гурген, которому стало тяжело в Васпуракане, и он решил как можно скорее покинуть страну, ставшую источником его несчастий. Хотя сердечная рана его была неизлечимой, все же он говорил себе: «Если бы мне хоть раз увидеть ее, если бы раскрыть перед ней мою сердечную рану, тогда я уехал бы к себе в Тортум и вместо счастья, о котором мечтал, провел бы остаток дней своих далеко от света, воспроизведшего меня, далеко от нее, без которой жизнь моя – вечное страдание...»

Дорога в такую непогоду была не из приятных, но для наболевшего сердца одиночество было так отрадно, что, когда Гурген доезжал до какого-нибудь села, то старался поскорей уехать, чтобы только не говорить ни с кем. Переночевав по дороге в нескольких селах, он доехал до Хоя, где дорога разветвлялась надвое, и тогда, вместо того, чтобы ехать на восток, он повернул на север и вскоре въехал в скалистую Андзевскую область.

Как ни сильно было в нем желание повидать еще раз Эхинэ, так же сильно он желал бежать от нее, чтобы не омрачать жизни любимой женщины неожиданным приездом. Но сила любви все же влекла его на север, в Кангуар.

Хотя сердце Гургена было полно высоких чувств, все же он не смог отказаться от искушения собрать сведения о князе Мушеге Андзевском, ибо жизнь его Эхинэ была связана с ним.

С такими мыслями подъехал он к Духову монастырю, который находился недалеко от Кангуара, откуда виднелись высокие крепостные башни.

Грозная крепость Кангуар считалась неприступной, во-первых, потому, что попасть в нее можно было только через лабиринт скал и пещер, во-вторых, потому что, благодаря крепостным стенам и башням, ей не угрожал никакой удар, в нее попасть было невозможно. В-третьих, по пути к скале, на вершине которой находились крепостные ворота, было множество всяких укреплений.

Стоя здесь, Гурген с бьющимся сердцем смотрел на замок, не потому что был поражен его величием и недоступностью – там жила Эхинэ, с которой он не мог увидеться и поговорить наедине.

Пока он стоял в раздумьи, куда ему ехать – в замок, в монастырь или в одно из окрестных сел, – к нему подбежали двое мужчин; «Беги, братец, беги!» – крикнули они. Один из них успел пробежать мимо, но другого Гурген схватил за руку и остановил. «Ой, братец, ты сломаешь мне руку!» – вскричал человек. Гурген слегка разжал руку и спросил: «Человек божий, – что с тобой? Куда бежишь?»

– На нас напали курды. Они ранили нашего князя и преследуют нас по этой дороге. Беги, иначе, если тебя не убьют, то уведут в плен, – он попытался вырваться из рук Гургена. Но Гурген сильнее сжал руку.

– Назови имя этого князя, если хочешь, чтобы я тебя оставил.

³⁴ Хой – город в юго-восточной части исторической Армении, к северу от озера Урмия.

– Ой, ты мне сломаешь руку! Мушегом его зовут, Мушегом. Это князь Андзевский. Вот они! Вот едут нечестивцы!..

Гурген сейчас же отпустил руку воина. «Ну, беги теперь, негодник!» – воскликнул он и окинул взглядом небольшой отряд всадников, мчавшихся ему навстречу, Их было человек двадцать. По внешнему виду и поведению можно было догадаться, что это были воины эмира из Хол, которые, осадив крепость Кангуар, хотели взять в плен князя Мушега и овладеть крепостью.

Гурген сбросил плащ. С небольшим щитом в левой руке и длинным мечом в правой он натянул поводья и, воскликнув: «А ну, покажи себя, Цолак!» – помчался вперед. Ураганом налетели на вражеский отряд человек и конь. Гигантский меч, сверкая, как молния, косил направо и налево, во все стороны летели убитые и раненые. Через несколько минут вокруг никого уже не было: кто бежал, спасая свою жизнь, кто пал. На поле боя оставался один всадник со связанными руками и закованными в цепи ногами. Он растерянно оглядывался вокруг. Это был князь Мушег Андзевский.

Гурген подъехал к нему, спешил и, достав из ножен кинжал, молча перерезал веревку на его руках. Цепь, сковывающая ноги, была замкнута на замок, надо было или найти ключ, или позвать кузнеца. В это время со всех сторон стали сбегаться люди; кто из них был вооружен, кто безоружен – все стали суетиться вокруг освобожденного князя. Один нашел его шлем, другой принес меч, третий перевязывал рану на плече. Гурген стоял в стороне до тех пор, пока Мушег, придя в себя, не обратился к нему:

– О храбрец! Скажи мне свое имя, чтобы знать, кого мне благодарить за свое спасение.

– Меня зовут Суреном из Шакума, – ответил Гурген.

– Прекрасно, князь Сурен, прошу тебя пожаловать в мой замок погостить, где я попрошу тебя принять от меня дары за твой великий подвиг. Едем же ко мне!

А Гурген, не удостоивая его ответом, разглядывал Мушега. Князь Андзевский оставлял впечатление простодушного человека средних физических и духовных способностей. Ему было лет сорок, но бурно проведенная молодость наложила на него преждевременную печать утомления. Совершенный портрет современного князя, равнодушного к своему народу и не пользующегося его любовью. «Бедная, бедная моя Эхинэ», – думал Гурген, молча следуя за толпой, которая, почтительно окружив всадника, шепталась между собой: «Вот этот всадник разбил арабский отряд и освободил князя...», Те из воинов, кто ехал сзади, говорили громче, оставившие же князя в беде воины уверяли, что в курдском отряде было не менее ста человек. А воин, уговаривавший Гургена бежать, показывал синяки на своей руке и говорил:

– Смотрите, это следы его пальцев. Еще немного, и он сломал бы мне руку. Удивительно ли, что человек, обладающий такой силой, перерубил столько людей?

Убитых было четверо, раненых трое, которых нельзя было отличить от мертвых, ибо они были обречены, и не потому, что раны были тяжелые, а потому, что, оставаясь лежать на снегу, их растоптали бы проезжие. (Обычай того времени, который до сих пор еще существует не только в Азии, но и в цивилизованной Европе).

Оставя позади монастырь, отряд приближался к крепости, обитатели которой, услышав о происшедшем, группами спускались навстречу, Князь ехал окруженный охраной, выделяясь среди них высоким шлемом, который надели на него его верные слуги.

Гурген следовал за ним, окруженный народом, который, как всегда, поклоняется храбрости и удачам.

Когда доехали до вершины скалы Кангуар и остановились у ворот цитадели, где находился княжеский замок, народ стал расходиться. Отряд азатов въехал во внутренние ворота. Тут князю разбили цепь на ногах и он направился во дворец.

Князь Гурген обеспечил прежде всего место и корм своему коню, боясь, что в княжеском замке ему может быть хуже, чем в крестьянском доме, Успокоившись относительно судьбы

своего единственного друга, он даже не успел посмотреть на грозные окрестности – он думал только об Эхинэ. Подавив вздох, князь вошел в зал, много веков служивший князьям Андзевским местом развлечений и пиршеств. Его отвели в более теплую комнату, так как здесь было холодно. Сняв с себя оружие, Гурген погрузился в раздумье, не замечая, что из-за занавеси то и дело выглядывали слуги и служанки Андзевского замка, приходившие смотреть на чудо-богатыря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.